

К новым победам!

Считанные часы остались до той волнующей минуты, когда золотые стрелки часов, по которым сверяют время все честные люди мира, сойдутся на двенадцати, когда чистый и гудящий звон московских курантов возвестит о наступлении нового, тысяча девятьсот сорок восьмого года.

Она приближается, эта минута, озаренная огнями праздника, сиянием полудня торжества, минута, когда миллионы советских патриотов провозгласят здравицу Новому году, любимому отечеству, великому Сталину.

Хрустит под ногами снег. Чист и живописен высокогорный воздух зимы. Ровно бежит путь страны, охваченной созидательным порывом. Вдохновенно работают советские люди, многие из которых уже давно завершили трудовой год, опередив ход времени, и выше трудятся в счет еще не наступившего сорок восьмого года. Есть среди них и такие разведчики будущего, которые уже выполняют нормы 1950 года. И новогоднюю дату они встречают с гордым чувством своего творческого могущества, готовые к будущим подвигам.

— С Новым годом! С новым счастьем!

Эти традиционные поздравительные слова, повторяющиеся ежегодно с давних времен, в наше время, в нашей стране, строящей коммунизм, звучат с особенной, окрыляющей силой. С каждым годом они приобретают все большую значимость, ибо мы сами творцы своего счастья, ибо с каждым годом это счастье становится все реальнее, все осязаемее. Каждый новый год — новая ступень, приближающая нас к сверхамериканским вершинам того справедливого общества, которое на мечты превращается в явь усилиями нашего народа.

И сегодня, на пороге Нового года, поднимаем на новую ступень, мы с гордостью оглядываемся на прошедшие двенадцать месяцев сорок седьмого. Этот год был отнюдь не советским годом, приумножившим славу, мощь и богатство нашей социалистической державы.

Это был тридцатый год советской власти — великая дата, которую народ-созидатель ознаменовал великими делами, вошедшими в историю человечества. Это был второй год послевоенной сталинской пятилетки, озаренный негасимым светом социалистического соревнования в честь Октябрьской революции, год, показавший, на какие чудеса способны герои свободного труда, работающие на собственное благо, на благо своего народа. Благодаря их творческому соревнованию, завершившему повсеместным досрочным выполнением годовых программ, вспыхнуло с новой силой под большевистским, всенародным лозунгом: «Пятилетку — в 4 года!»

Первая очередь Запорожской и вторая турбина Днепровского, новые домы и маргеловские плечи, новые прокатные станы и доковские батареи, декабрьские заводы и корпуса новых зданий, восстановленные шахты и электростанции, новые тоны угля и нефти — таковы плоды трудов рабочего класса нашей страны.

Нас всегда запомнит грандиозная битва за хлеб, которая развернулась в минувшем году на полях страны и завершилась победой мастеров урожая. Обилие хлеба и сельскохозяйственных продуктов — таковы плоды трудов колхозного крестьянства.

Новые культурные ценности — книги и фильмы, научные труды и художественные полотна, созданные зодчих и музыкальные произведения — таковы плоды творческого подвига советской интеллигенции.

Созидательный порыв народа сливался воедино с огромным политическим подъемом. Две даты — 9 февраля и 21 декабря — вписаны красными буквами в календарь минувшего года. Это дни выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик и в местные Советы депутатов трудящихся РСФСР, Украины, Армении, Молдавии и Барело-Финской ССР.

И в феврале, и в декабре советские люди продемонстрировали незыбкое единство, беззаветную преданность Родине, горячую любовь к большевистской партии, к родному Сталину. Это было подлинное торжество великой советской демократии.

Выборы в органы советской власти показали всему миру истинные силы и вдохновения нашего народа.

Трудовые усилия патриотов, их сплоченность и единство, их слабые подвиги не прошли даром. Все завоеванное народом обернулось на благо народа.

Неуклонный рост продукции, мощный подъем промышленного производства привели к обильно продовольствия и товаров в нашей стране. Благодаря этому партия и правительство, неустанно заботясь о благосостоянии трудящихся, сумели провести денежную реформу и отменить карточную систему, ликвидируя одно из тягостных последствий войны.

Новый год советские люди встречают, уверенные в завтрашнем дне, с радостным сознанием того, что жизнь стала лучше и веселее, что чем дальше, тем счастливее и обильнее будет она.

В последнем мире только Советский Союз и страны, ставшие на путь новой демократии, встречают наступающий год, полные уверенности в своем счастливом будущем. Народы этих стран добились в сорок

седьмом году немалых успехов в своем демократическом развитии, в своем экономическом росте.

Там же, где у власти стоят дельцы, которые, маскируясь «демократией», плиннично попрают ее, где государствами завладевают душители свободы, думающие не о благе народа, а о личной выгоде, там миллионы простых людей, оглядываясь на прошедший год, не видят ни одного светлого дня, а завтрашний день грозит им еще большим произволом и жестокостью.

Американские монополисты решили изжить на горе народов, на нужде стран, разоренных войной. Они хотят еще больше разжечь, оптом скупив за свои доллары всю Европу.

В сорок седьмом году они предприняли наступление на свободу и независимость европейских государств. «Доктрина Трумэна», а затем так называемый «план Маршалла» были направлены на то, чтобы поддержать все темные реакционные силы, все остатки фашизма в Европе и при их помощи превратить десятки стран в свою колонию, а народы этих стран в своих рабов.

Однако фронт демократии, возглавляемый передовыми людьми человечества, подлинными борцами за свободу и независимость народов, оказал мужественное сопротивление прощам колониализма. Коммунистические партии объединили вокруг себя прогрессивные силы мира. Наступлению международного империализма дан крепкий отпор.

Сорок седьмой год был годом роста политического сознания трудящихся в капиталистических странах. Борьба рабочего класса Франции и Италии, мужество патриотов Греции, Индонезии, Китая — грозное напоминание заокеанским монополистам, европейским и азиатским жандармам! Народы мира не желают быть рабами Уолл-стрит. Они не желают идти по позорному пути, на который их толкают социал-предатели. Настоящие патриоты видят, что единственно верный путь к свободе, независимости, демократии укажут лучшие сыны всех народов, — коммунисты.

Наступающий год трудящиеся мира встречают в обстановке все усложняющейся и обостряющейся борьбы за свои права. Силы в этой борьбе им придет пример коммунистов, возглавляющих все передовое и честное на Западе и на Востоке. Их воодушевляет могучая моральная поддержка Советского Союза — поборника мира, демократии, свободы.

Сорок седьмой год еще более утвердил международный авторитет нашей страны, чей могучий голос в защиту справедливости наполняет надеждой сердца угнетенных и обманутых людей во всех странах. Морально-политические победы, одержанные советскими дипломатами на международной арене, разбивают вражеские замыслы поджигателей новой войны, разбавляют перед всем миром подлинную сущность торгашеского возмездия, заставляя при помощи голоса народов Европы.

В новогоднюю ночь миллионы людей во всех уголках планеты будут вслушиваться в гуд эфир, ловя московскую волну. И когда прозвучат двенадцать ударов в гонимой советской стране облетит мировые просторы, миллионы сердец забьются сильнее, миллионы честных и свободолюбивых людей во всех странах провозгласят здравицу стране социализма, ее народу, ее партии, ее вождю.

Мы, патриоты идущей во главе человечества страны, под звездным небом наступающего января, оглянувшись на пройденный год, с новым воодушевлением устремимся вперед. Советским людям не свойственно уснокаиваться на завоеванном. Как бы много ни было сделано, предстоит сделать еще больше. Нам ожидается огромная созидательная работа. Третий год сталинской послевоенной пятилетки должен звать миру новые образцы трудовой доблести советского народа, должен еще больше приблизить нас к великой конечной цели — коммунизму.

Вместе со всем народом советские писатели полны новых замыслов и планов. Они сознают, как много еще не сделано, в каком большом долгу они перед Родиной.

Подлинному творцу всегда чуждо чувство занятости и самодовольства. Стремление добиться большего, работать лучше, искать, совершенствоваться, пролагать новые пути — вот что характеризует советских людей, вот что определяет и развитие литературы в наступающем году.

Еще ближе к боевым задачам современности! Литература наша должна подняться на новую ступень, стать еще более партийной, еще более народной.

В новогоднюю ночь мы, советские патриоты, поднимем тост за славный 1948 год, за новые наши творческие победы, за трудовые подвиги, за то, чтобы еще краше стала наша жизнь, чтобы еще больше возвысилось наше социалистическое Отечество!

Мы провозгласим здравицу нашим друзьям во всем мире — рабочим Парижа и солдатам Маркоса, воинам народной армии Китая и республиканцам Индонезии, восклицанием — «Свобода!» подпольщикам Мадрида и докерам Неаполя. Мы поднимем тост за братские народы Югославии и Польши, Болгарии и Чехословакии, за всех, кто идет по пути подлинной демократии.

И самый вдохновенный тост провозгласим мы в честь нашего любимого Сталина, который год от года ведет нас к полному торжеству коммунизма.

— С Новым годом, товарищи! С новым счастьем! С новыми победами!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 68 (2383) С-3488 Среда, 31 декабря 1947 г. Цена 40 коп.

М. СВЕТЛОВ

Новогоднее

Старый год спешит поспосторониться, В каждом доме — новогодний свет... Не одну вписан мы страничку В полное собрание побед.

Помню годы назыви — Пред тобою История раскрыта — Не старинный ветхий свиток — слиток Героизма, верности, любви.

Каждый год, как новая глава, Здесь трудов и подвигов немало! Здесь вождя бессмертные слова На века История вписала...

Подними бокал вина, сосед! Выпьем мы за общую работу, Как за продолжение полета Скорости набирающих побед!

Н. МИХАЙЛОВ

Великие перемены

Я оглядываюсь на истекший год — чем он был для меня?

Весь этот год я работал над книгой «Над картой Родины», рассказывающей о том, как меняется лицо нашей страны. Книгу о быстрой перемене нельзя писать медленно. И я спешил. Но книга старела у меня в руках. Я догонял время, а оно убежало вперед.

Стремительная, летящая вперед жизнь вырвалась в одну главу, то в другую, добавляла, добавляла, добавляла, добавляла. Я написал — это было в начале лета — о тяжелых ударах, которые засуха 1946 года обрушила на наш степной юг. Но поднималась, ширилась борьба — возникали плотные поперек балок, кулисы на полях, появлялись новые засухоустойчивые сорта культур. И в конце лета глава переписывалась: за один год побеждены последствия невиданной засухи — даже в местах, разоренных врагом.

Мне хотелось развернуть перед читателем великий свиток — карту шестой части мира — и сказать — эти значки живут, растут: здесь снова преграждают Днепр, там возводятся домы Запорожские, восстанавливаются Ростельские, заново строят Воронежский «СК-2». Однако перед слатцем в печать все пришлось переделать. Пока писалась книга, в Днепроезе, и Запорожье были пушены, Ростельские возрости появились, и его комбайны новой конструкции «Сталинец-6» уже убирала урожай на полях Украины, «СК-2» построен — он стал лучше, чем был до войны. На стройках монтировались новые агрегаты, на просторах страны шумели новые стройки.

Я вел своего читателя на равнины Сибири, а Сибирь за это время успела измениться. На карту легли новые участки Южсиба, на берегах Иртыша начали выплывать новые районы аппараты оригинальной конструкции. За Уральским хребтом уже повдвинулись провода самой длинной электрической железной дороги в мире.

Я спешил в другой конец страны — к пустыням и оазисам Турмениистана. И там все менялось на глазах. Старая идея связи далекого Хорезма со среднеазиатской магистралью воплощалась в первые километры железнодорожной насыпи на трассе Чарджоу—Кунград. Партии геологов уже работали у сухого русла Келифского Узоя, чтобы повести часть аму-дарьинской воды через пустыню Кара-Кум на запад. Среди горячих песков, там, где по станицам развозили воду в вагонах-канал, уж не паровоз шел, как это было раньше, и даже не тепловоз, а малаясь обтекаемый дизель-экспресс.

И вот книга вышла, — но время снова ушло вперед.

В книге колхозники только строят Ленинский канал. А на самом деле в Те дни, когда книга печаталась, был поднят шит на плотине, и кубанская вода новой искусственной рекой потекла по Ставрополью. Новая, только что пущенная сульфидная фабрика изменяет технологический процесс на Магнитке. Новый разрез на Аргенте дает уголь Ташкенту. По новому нефтепроводу течет девонская нефть из Туймазы.

Закладываются фундаменты, возводятся стены, включаются рубльники — по всей стране, непрерывно, в нарастающем темпе. Сейчас — Фахралстрой. Через несколько дней, может быть, через несколько часов, будет Фахралгес...

Время спешит, сроки укорачиваются. Двенадцать месяцев назад мы говорили: прожить первый год пятилетки. Сейчас мы говорим: надо сделать так, чтобы наступающий год был предпоследним годом пятилетки.

Страна быстро меняется по плану партии, по плану великого Сталина. И эти великие перемены утверждают неизменность истины: всеислен народ, преобразующий страну ради своего собственного счастья.

Анатолий СОФРОНОВ

Вперед!

Наш Новый год —

Для новых дел разбег;

Наш Новый год —

Турбин бурных рек;

Наш Новый год —

Счастливые люди

И счастье, что построено

Навек!

Наш Новый год —

Орлиных крыльев взлет;

Наш Новый год —

Завод, еще завод!

Как каждый год,

Со Сталиным народ,

И вечное движение

Вперед!

ВРЕМЯ — ЭТО МЫ!

Георгий МДИВАНИ

В детстве меня всегда мучило чувство обиды, когда я рассматривал «блужды» подводных журналов, на которых был изображен здоровый мальчик, толкающий ручкой безоборудованного, дряхлого старика, сбрасывая его в бездонную пропасть. На спине старика была написана цифра уходящего года, на груди мальчика — цифра нового, наступающего.

Отцу долго приходилось объяснять мне, что уходящий год для нас был злым и плохим. Но меня это мало убеждало и утешало: я все равно жалел старика, думая о том, что через год у этот здоровый мальчуган превратится в такого же дряхлого старика, и его тоже толкнут в пропасть.

Меня мучила мысль, почему уходящие годы всегда бываю злыми и плохими и почему мальчик так быстро стареет. Почему думал, я не знаю, но я знал, что мальчик был всегда молодым и добрым? Ведь они — только мерло времени, а хранили в нем — человек.

Славный сорок седьмой год! Мы не позволили никому толкнуть тебя в пропасть. Ты не злой маг и не добрый волшебник. Ты — гордый тридцатый богатырь наших боевых советских лет.

Ты стал алмазным венцом всеобщности вечной молодой Москвы, сверкающей рубиновыми звездами Кремля. Ты — год испечения наших тяжелых ран войны.

Ты не старик и не уходящий. Нет! Ты — бессмертен, выкованное молотами строителя, восстановивших Украину, Белоруссию, Латвию, Литву, Эстония.

Ты гудил в моторах тракторов и комбайнов оживших заводов героического Сталинграда. Ты — в энергии тысяч тонн дообессаженного угля, выданного на-гора. Ты — свет возрожденного Днепроеза.

Ты — океан пшеницы, заполняющей наши закрома и аэропорты. Ты — богатое плодородие нашей земли.

Чудесный сорок седьмой год!

Мы не прощаемся с тобой! Нет! Ты гордо светишь в призывах героев труда Ленинграда, и миллионы трупятых отвечают на эти призывы и опережают время, приближая сверкающие дни коммунизма.

Ты гордо светишь в сердцах наших счастливых людей, верящих в грядущее мирное, Ты, мерло времени, за нас. Ты с нами вместе штурмовал высоты наших побед.

Ты — год процветания народов мира: ты сделал более твердыми героические шаг борющихся труженников Китая, ты, как зная, поднял священную кровь, пролитую в грозных атаках честным солдатам Маркоса, сражающимся за освобождение Греции.

Ты — год, привоивший к позорному столбу предателей человечества, бесстрашных лавес Уолл-стрита, Труманов и Шуманов, Маршаллов и Чан Кай-ши, Бевингов и Било.

Ты — боевое знамя, переходящее в сорок восьмом году.

Нет! Мы с тобой не прощаемся, срывая последний листок календаря. Ты будешь с нами в грядущих победах, как начало и продолжение великих дел.

Пробьет двенадцать часов почти кремлевские куранты, и мы встретим твоего издателя — сорок восьмой год. Но он не будет ходить неуверенными шагами младенца. Он родится сразу, как тво продолжение, как тридцатый богатырь.

Мы, голы, — только мерло времени великой сталинской эпохи. А время — это мы!

Будь же счастливым, родной народ!

Павел ШУБИН

В развороте больших работ

Начинается

Новый год.

За громом встает громада —

Средь горячих песков

И льда.

Меди звонкого Коунрада

Отзывается Боркута;

И померяется с Ухтой рад

Знаменитый Биби-Зйбат.

Серебристые санки стали

Танет в ленту прокатный стан,

Ничто стально гордиться стали

Казахстан и Узбекстан;

Помогают им в добрый час

И Урал

и селой Донбасс.

Новый год

принимает пост,

Пламя домен летит до звезд;

Снеговыми пройди полями —

Там, во сне становясь сильней,

Под сугробами дремлет пламя

Притянувшись зеленой,

Чтобы летом

Над всей страной

Поднялись хлеба стеной.

Мы разведываем и строим,

Конструируем и растим,

Под Москвою идем забоем

И в полярных ночах гостим.

Нашей силе —

предела нет,

Нам всего только тридцать лет!

Все несчастья войны изведав,

Не согнувшись в беде,

Молодая страна Советов

Напряглась в боевом труде;

Он — у наших границ на страже,

В нем —

грядущее скрыто наше!

К коммунизму дороги круты,

Но под силу их нам пройти,

На подеме их на минуту

Не задерживаясь в пути.

Будь же счастливым,

родной народ,

В наступающий Новый год!

Николай ПОГОДИН

Простой репортаж

— Оценить, значит понять. Дорожить, значит ценить. Человек средних лет, в котором трудно узнать боевого офицера, говорит жестко, настойчиво, строго.

Он дат огромный тему для размышления, хотя говорит как будто две-три минуты, говорит потому, что его рассердил предыдущий оратор — веселый, восторженный и повидомому, недалекый человек.

Я вернулся ниже к этой сцене, выражающей столкновение двух характеров. Сейчас хочется передать мысли такими, какими они являются в этой короткой и суровой речи.

Каким был наш минувший год? 1947 год можно назвать годом неслыханных чудес, но тогда на жизнь нашу надо смотреть глазами чувствителя, для которого советский мир чужд и непривычен.

Чужестранным наблюдателям свойственно судить к несобственному чуждо победы и достижения советских людей, хотя эти наблюдатели прекрасно знают, что говорят красную полуправду. Это очень удобный прием, скрывающий истинную правду, и в то же время, как бы выражающий близость желательность по отношению к советской стране.

Нет, конечно, неслыханные явления минувшего года не относятся к области типичного, нежданного-негаданного. Чужестранцы своей жизненностью и всемерно посягают на территорию нашей страны.

После варварского нашествия пришла засуха, какую могли упомянуть только очень старые люди.

Перед лицом стихийного бедствия партия и правительство прежде всего вскрыли недостатки колхозной жизни послевоенного периода. Надо понять и оценить те мудрые правительственные акты конца сорок шестого года, плодами которых мы пользуемся теперь.

Советская власть выдвинула на первый план борьбу за необходимость утсвев колхозного строя. Тогда, среди миллионов людей, притворилась одна и та же мысль: — Это Сталин.

В гоном и бесподобном анализе недостатков, в самых словах суровой и непримиримой правды люди чувствовали мысль и волю великого и бесконечно дорогого мир творца колхозного строя.

Незыблемость утсвев колхозного строя... Но что означает это понятие в самой жизни?

Наше колхозное крестьянство поднялось на такие высоты социалистических понятий, отношений и дел, о каких еще недавно мечтали передовые люди нашей деревни — колхозный авангард.

Оказалось, что в нашей деревне выросла и сложилась демократия невиданного типа, способная постоять на деле за чистоту принципов колхозного строя, за его незыблемость, за его устои.

Иначе... Но здесь, пожалуй, пора вернуться к той сцене на заводском митинге, посвященном отмене карточек, о которой говорилось вначале.

Немудрого человека, говорившего ранее, не очень внимательно слушали, так как он явно принадлежал к тем говорунам, которые любят говорить по любому поводу.

И когда он сказал: — Что ж тут думать. Тут думать нечего. Все правильно... В этот момент раздался голос, резкий и жесткий:

— А ты подумай. И немудрый оратор растерялся.

— Я не понимаю... — с удивлением произнес он.

— А ты поймай... — так же настойчиво и жестко повторил невидимый человек и сейчас же вышел вперед.

Не обращая внимания на предыдущего оратора, он стал говорить.

Он кратко и стремительно развил глубокие мысли, полные жизненной правды.

— Оценить, значит понять. Понять, что мы вошли в довоенный уровень жизни, несмотря на катастрофические опустошения варварского нашествия.

— Ты подумай! — время от времени сурово и повелительно обращался он к предыдущему оратору.

С Новым годом, друзья!

Литературно-художественные журналы в 1948 году

Новогодняя книжка журнала «Знамя» открывается повестью «Теплоход «Кажетия». Это записки военврача Ольги Джигурды о живых людях и событиях, связанных с героической обороной Севастополя. В ближайших номерах появится большой роман Э. Казакевича «Весна в Европе», показывающий последний этап Великой Отечественной войны, и

Люди, о которых говорят

Журналисты буржуазного мира время от времени описывают «людей, о которых говорят». «Люди, о которых говорят» — это обычно темпы непрерывного стовидельчатого танца, герои невероятных пар, экстраординарные юры и хапуны, иступленные маньяки, которые в течение десяти суток подряд вертят ногами педали велосипедов, пока у велосипедов не сотрутся шины. Иногда это лихие автомобилисты, которым надоело путешествовать нормальным порядком, поскольку в этом нет ничего оригинального, и они избирают необычный способ передвижения на автомобиле: путешествие на одного штата в другой задом наперед. О таких «героях» уходящего года будут, несомненно, говорить за океаном и сегодня наряду с другими «героями», которые проявили себя на фоне «мирного строительства» капиталистических стран и «справивались» в Греции и Индонезии, во Франции и в Бразилии, на Уолл-стрит и в Сиэтле.

«Кого буржуазия считала и считает великим? — спрашивал когда-то Горький. — Генерал, который умел истребить наибольшее количество солдат и разрушить наибольшее количество хозяйств, банкира, способного собрать в своих руках наибольшее количество денежных знаков, фабриканта, купца, Креза и подобный им организаторов производства орудий производства истребления людей, вероучителя, способного талантливо затеменить разум... Наш герой — «простой» человек, который в тяжелых условиях неутомимо и мужественно строит свое, рабочее государство равных — строит, разрушая все козни врагов, преодолевая все препятствия».

Наш герой — человек труда, чья умная творческая работа является непрерывным творчеством. Самые популярные люди в стране — стхановцы. Мы помним встречу пионеров этого движения, собравшихся по приглашению правительства в Кремле, встречу в большом и светлом зале. Широко раскрыты объятия, словно стремясь прижать к большому и горячему сердцу все три тысячи человек, которые собрались здесь, — говорил в тот день с трибуны Серго Орджоникидзе: — Капиталистический мир не может дать рабочего стхановца! И если бы там нашелся стхановец, он был бы самым непопулярным человеком среди всей массы рабочих, ибо такой повышенный рост производительности труда привел бы к тому, что по крайней мере одна треть, а может быть, половина рабочих была бы расчислена и увеличилась бы безработица... А у нас стхановцы — самые популярные люди среди рабочих, и давая такую производительность труда, они становятся первыми людьми в Советском Союзе.

Аллодисменты превращали оратора. Серго переждал минуту и продолжал: — Вчера здесь, когда один из выступавших товарищей заявил: «Да здравствует первый стхановец — товарищ Сталин!», весь зал поднялся на ноги. Видите, оказывается, не Стаханов — сталинец, а Сталин — стхановец. Вот на такую высоту рабочие поднимают знание стхановца. Где, в какой стране это еще может быть? Нигде! Это может быть только там, где труд становится делом чести, делом славы, делом доблести и героизма, как говорил товарищ Сталин.

С высот прожитого года мы видим, как в эти двенадцать месяцев честь и слава сопутствовали доблести и героизму простых людей, которые становятся первыми людьми в стране. Кто знал в прошлом году в это время Василия Матросова и Ивана Бредова, Николая Росейского и Александра Иванова, Анну Кузнецову и Андрея Якушина? Кто, кроме близких им людей, кроме товарищей по работе? А сегодня эти имена произносятся с уважением и в нашей стране и друзьями за рубежом. Люди орлиных взлетов и триумфальных планов, творцы чудесных превращений — советские люди умеют на каждом этапе выделять из своей среды скромных, мужественных и честных зачинателей. Для первых пятилеток это были Стаханов и Бусыгин, Виноградов и Кривонос, для грозных лет войны — Барышников и Босый, Спехов и Шалаев, люди, уплотнявшие время, находившие новые и новые возможности одно-

му делать то, что положено было на три года. Время родит героев. Во втором году первой послевоенной пятилетки в народнохозяйственном плане рабочие и колхозники нашли мудрые, полные глубокого смысла строки: «Успех выполнения и перевыполнения государственных планов решают люди; план должен ориентироваться на передовых рабочих, инженеров и техников, показывающих огромные возможности в деле достижения прогрессивных норм использования машин и механизмов и, таким образом, обеспечивающих перевыполнение государственных планов».

И в цехах заводов и фабрик в ответ на требования государственного плана родились смелые планы рядовых людей, передовиков в труде, показывавших товарищам по профессии: вот резервы, вот новые возможности, вот они лежат перед нами, возьмем их и поставим на службу государству. Василий Матросов, Андрей Якушин, Александр Иванов, Николай Росейский, Дмитрий Мазалов, Анна Кузнецова — герои 1947 года войдут в историю, как люди, разудавшие в этом году с новой силой великий костер стхановского движения. Герои наших дней, высоко поднимающие знамя стхановца, наследовали замечательные традиции пионеров великого и непреодолимого движения современности и ушли далеко вперед не только в производительности своего труда, но и в организации высокопроизводительной работы целых коллективов. И именно этой коллективной стхановской работой славили 1947 год.

Годом высоких скоростей был уходящий год. Скоростные плавки прославил Михаил Кучерина и Ивана Невчака — сталеваров Домбасса и Приднепровья; скоростной монтаж, открывавший заморским бригадам Иваном Румянцевым, породила тысячу последователей, скоростные проходы, примененные Иваном Проничкиным и Никитой Минзариповым, обогатили Родину тысячами тонн драгоценной руды; скоростная работа Николая Луквичева и Герасима Запорожца помогла извлечь на поверхность больше слесей промышленности — угля; скоростная работа Марины Волковой и Марины Шаровой одела в новые плащи десятки тысяч людей. Это была умная, продуманная скорость, та, которая создала все основания для того, чтобы провозгласить осенью нынешнего года лозунг, сокращающий сроки пятилетки на одну пятую и устрижающий шаги времени.

«Широта размаха и содержание соревнования определяют теперь достигнутый здесь или там уровень коммунистического отношения к труду среди советских людей» (В. М. Молотов). Миллионы рабочих взяли на себя личные обязательства досрочного выполнения годовых планов и планов пятилетки.

Уже к 7 ноября один миллион двести тысяч молодых рабочих промышленности и транспорта выполнили свои годовые нормы, 148 тысяч юношей и девушек выполнили двухлетние нормы, 20 тысяч — четырехлетние и 1 500 — пятилетние нормы выработки. В счет планов третьего и четвертого года пятилетки уже сегодня идут продукция в Москве и Ленинграде, Магнитогорске и Баку, Уфе и Караганде, Тбилиси и Калининграде. Сегодня в полночь друзья поздравят этих людей с наступающим 1948 годом, а эти люди живут уже в 1950-м и переступают границы 1951-го — живут, не старея, а молодея в годовых свершениях! Уходящий год был годом их подвига в труде и голом их чести, голом их доблести и голом их славы.

Рядом с учеными — академиками Павловым и Мухомедовичем, профессорами Дуниным и Френкелем, рядом с художниками Николаем Тринком и Симоном Чиковым, рядом с композиторами Шубалкиным и Прокофьевым в уходящем 1947 году стояли в списке лауреатов Сталинских премий Герасим Запорожец и Василий Матросов, Никитязин Минзарипов и Иван Проничкин, Мария Волкова и Анна Кашаева, чей труд — тоже творчество.

Это творчество в труде является примером не только для советских людей, но и для народов, сбросивших с себя оковы. На рубеже третьего года послевоенной пятилетки

мы вспоминаем слова товарища Сталина, произнесенные в начале третьего года первой пятилетки: «Мы должны двигаться вперед так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас, мог сказать: вот он, мой передовой отряд, вот она, моя ударная бригада, вот она, моя рабочая власть, вот оно, мое отечество». Слово стхановец прозвучало ныне на всех языках мира.

Когда партизанские командиры Югославии хотели поблагодарить особо отличившего бойца, они говорили ему: «Друже, ты сражаешься, как краснопорец». Когда сейчас, в дни возрождения Югославии, ее жители хотят поблагодарить отличившегося труженника, ему говорят: «Друже, ты работаешь, как советский стхановец».

Тысячи шахтеров Болгарии следили в этом году за работой своего гостя — русского горняка Леонида Борискина и пережили его приемы высокопроизводительного труда. По методу сталкоградского каменщика Кузьмы Белоцерзева работают сегодня строители Фрэнко Турчиц из Загребя и Киро Ювановский из Скопья, Иосип Миловинович из Крушевца, Милан Шкрбиц из Белграда, Милентий Станкович из Ниша и многие другие. — Югославские каменщики переимуют опыт своего советского собрата по профессии и правительством Народной республики Хорватии награждает Фрэнко Турчица — первого последователя советских русских стхановцев — 50 тысячами динаров. Недавно Кузьма Белоцерзева получил письмо с благодарностью от имени тысячи каменщиков Югославии. Советская ткачиха Наталья Дубяга недавно ездила в Польшу. Ее просили показать, как сплести работа под руками советских людей: она продемонстрировала новые методы многостаночного обслуживания, и сегодня у Натальи Дубяги есть уже последователи в Польше. Так знаменитые люди наших дней оказывают свое воздействие на зарубежных друзей и братьев. О знаменитых советских стхановцах говорят, их примеру следуют.

Я вспоминаю августовский вечер первого послевоенного года. Шел прием в честь делегации итальянских профсоюзов. Среди гостей был Алексей Стханов. Джузеппе ди Витторо, глава делегации, узнал Стханова по портрету. И он попросил сопроводивших его переводчиков немедленно представить итальянских профсоюзных деятелей Стханову. — говорил ди Витторо Стханову, и это не было простой любезностью. — Я могу смело сказать, что в Италии среди являюся профессиональных союзов нет людей, которые не знали бы вас.

Завязалась беседа Стханова с гостями, разговор, за которым мы, присутствующие, следили с интересом. И в разгаре этой беседы подошел канадский корреспондент, который сказал на чистом русском языке: — Мистер Стханов, насколько мне известно, вам в свое время удалось показать, что один человек может работать за шестерых... Не можете ли вы моей стране решить другую задачу, не посоветуете ли, как научить шестерых работать за одного? Стханов развел руками и улыбнулся... Возвращаясь с пресс-конференции, он говорил мне, что этот вопрос корреспондента, словно молнией, озарил неразрывную связь стхановского движения с советским строем.

Человек может с охотой, добровольно работать за двоих и троих в стране свободного труда, ибо все богатства, общества, созданные рабочими, крестьянами, делаются достоянием народных масс, и личный интерес каждого работающего связан с интересом всего народа, с ростом богатства и силы страны. И вот победившая и сильная любовь взирает на наших стхановцев труженники стран новой демократии, вот почему переимуют они их опыт. Слова Маркса применимы к людям, понимаям труд как творчество, и к тем, кто учится у них: «... человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с заглублен от труда лжи глядят на нас: красота человечества».

И пусть эта красота человечества вдохновит в Новом году поэта и ваятеля, художника слова и мастера кисти!

А. ЛИТВАК.

Беседа с демоном

Леонид ЛЕОНОВ

В русской литературе есть сочинение, где некто, именуемый себя сыном эфира, каждую ночь уговаривает оглу пригрозившую девицу на всякие такие дела и, между прочим, — отдать ему душу. Взамен он предлагает ей всякие несбыточные, даже опасные предприятия, вроде экскурсии в наземные края, съезда на морское дно и, наконец, — стать парней мира. Впрочем, прижатый к стенке, он и сам признает все это лишь прикамками ада. Проповедание кончается ликованием светлых сил и конфузом сообразителя... но не в этом суть.

С недавних пор, в поисках доверчивых девиц, в наш эфир также стал залезать ночной деятель, вилломо, дальний родственник того самого, чьи приметы идеологически правильно описал Михаил Юрьевич. Этот также пытается губить падежу, едва надежда расцветет; этого также не очень любят и кажут все живущие честным трудом своих собственных рук. Из опасения, что его заподозрит в подкупности, этот эфирный сын чаше, чем это требуется для дела, называет себя не обыкновенным, а в о л б и м и сыном эфира... Дело в том, что за неопознанными коммерческими работами у микроволны действует не сам он, а нанятые горюны из бывших русских, и судя по их старательным, ласково-ползучим головам, люди эти очень опасаются, что их немедленно уличат во лжи в рассуждении их прелестной «вольности».

Жанр этот надо определить, как напештанье или напевание сладких слов; пишущий это довольно суконным языком, хотя и трудно требовать тургеневских красок от организма, который сам, без принуждения, придумал себе псевдоним Георгий Георгиевич Ответова. Собеседования эти состоят из перечисления житейских благ, коими пользуются граждане по ту сторону океана не в пример жителям послевоенной Европы. Сюжет всегда незамысловат, но разнообразен. В этом радиоматериале находится и описание государственного устройства, при котором каждый, в зависимости от склонности, может стать чем угодно, — от сенатора до мертвеца. Здесь же высказываются полицейская атеистическая лига, наблюдающая за тем, чтобы безпринципные детинки не пошлали под трамвай или в объятия пороча; у незалаченных лип проступают слезы благодарности при созерцании этих заокеанских яслей, где рослые дяди с метровой резной дубиной ныччат на коленях улыбающихся крошек. В заключение можно также полюбоваться на поучительную картинку, как некая типичная миссис Браун, обычная агитационная болванка эфирных слов, похвастает себе елу.

Нет, она не просто говорит, как в общепринятых городах Европы, — «отпустите мне сто граммов сливочного масла, скажем, для больного ребенка». Нет, процедура покупки, в которой наравне с необходимостью работников прилавка иллюстрируется и сытность заокеанского бытия, происходит прилично так:

— Прекрасная погода, миссис Браун. Вы как будто похудели со вчерашнего дня. Чего вы хотели бы получить сегодня? — Сегодня я желаю бы приобрести у вас пять кило масла, четырех терок, три головки сыра, два окорока и, чуть не забыла, один двухэтажный ореховый торт для моей чести. Впрочем, чтобы не тратьте времени, дайте мне все, что имеется в вашем преф-куранте... только в двойном количестве. Погода хорошая, но барометр клонится к дождю.

— Я надеюсь, что ветер слова разгонит к вечеру духоту. Вы захватили с собой тележку, чтобы погрузить все эти продукты, миссис Браун? Часом позже я смогу бы отправить их вам в грузовике с прицепом. — Вы очень добры, мистер Блек, но не беспокойтесь. Я приехала к вам в автомобиле новой марки, с особой эластичной подвеской кузова. Встряхивая слывок и связанная с этим порча их совершенно исключены в этой машине. Ее позарил моему мужу, углекону, ко дню рождения его козляны. О, этот такой гуманист, такой гуманист, прямо сил нет. Он собрался подарить пельти три — для раутов, загорных прогулок и поездок на биржу труда, но Тэдди отказался, чтобы не разорять добряка... До скоро свиданья, мистер Блек!

— До завтра, миссис Браун! Затем следуют убедительные учящие эффекты, документирующие не то звук отсажившей пятитонки, не то дружное пиварение в семействе миссис Браун. На десерт выдается дежурная порция джазового мулайта.

Весь прием рассчитан на податливых девиц бладуальной категории, — за дальностью расстояния в аду плохо осведомлены о нравах людей в советской стране. Это и застраивает эфирных сынов обратиться за подробной информацией к некоему русскому мальчику Алеше, внимание — в кассовотке! Будучи приглашен на рождественский праздник в заокеанской столице, он детским голосом повелел ужасомое весть о немощном нашествии, от которых кровь надолго застыла в жилах у заокеанских дам-патронесс. Рассказ был о том, как однажды фашисты хотели купить у Алеша его елочку и, когда он отказал, они отняли ее силой. Разумеется, такой поступок германского фашизма достоин вечного порицания, но, думается нам, что Алешина информация явно недостоверна. Умней было бы получить тождествому корреспонденту добиться интервью с гудами детского пелла у братьев пещи Майданека и Бабего Яра. Правда, такой собеседник суров и неразговорчив, зато «сшт lasent, clamant», а, сопроводительные фотографии сыграли бы свою познавательную роль в освещении нынешних советских настроений.

Я не склонен обрести невинность девиц, готовых за пару нальонов чулок приласкать хоть мысленно, хоть в подворотне пожилого и зажиточного господина. Бог с ним, а с теми, кто не имеет ничего общего с нами, а с теми, кто имеет, — с теми, кто имеет сердце и творчески обострен слухом.

В 12 часов ночи во всей стране, во всех ее республиках, в городах и селах, во всех домах поднимут бокалы разные люди, люди разных национальностей, разных возрастов, разных профессий, но объединенные высоким званием граждан Союза Советских Социалистических Республик. Встреча грядущий год, они прикоснутся горячими губами к холодному стеклу бокалов не только с трепетными надеждами, а с мечтой о счастье, но и с той мужественной отгайкой, с какой советские люди всегда честно и смело идут в будущее.

Серрафин БИРМАН, народный артист РСФСР

ниги, с таким левшами! Но демоники реч об ореховом торте обращены к храбрым и простреленным людям, которым, в сущности, кое-чем обязаны сыны эфира, меньше всего хлебнувшие горя в мивушей кровавой суматохе. Гитлер был хоть и выдающийся стерец, но крупный маста в перекусывании жирных горлышек: не очень-то просто было и нам сорвать с груди этого хонка и превратить в падеж. И если бы война произошла без участия России, — чей портрет — достопогтенного президента либо беринского гаудейтера висел бы в зале конгресса или где ему положе висеть?.. Ранним образом, искуственный шопот адресован к нашим женщинам и детям, а это особые слушатели. Они поровну с солдатами делили черный труд войны; их тоже убили за сопротивление временному победителю; их жили в походах крематориях оккупационных армий, и, когда держишь в руке горстку пелла, трудно различить, какая пенлика принадлежала взрослому советскому богатырю, какая — ребенку. Так что заокеанское благополучие до известной степени оплачено и нашей детской кровью.

Мы вырвались из колыды послевоенных бед. Но обитатель Европы еще скоро накорячит досыта своих ребятшек. У нас нет иной разменной монеты, кроме души, на покупку заокеанского пайка, и вот она платит, платит, платит за сигареты и свиную тушонку кроваво-жирными кусками своих так называемых свобод. Во все рост стоит над Европой мимозогенный демон, и европейские дети лгуливо смотрят на него руки с миски черничной похлебки, то в его холодные радиоупругие глаза. «Прините ко мне все трудящиеся и обремененные послевоенным горем, я покупаю чохом ваши души!... Мне представляется мало привлекательным такое зрелище, когда упитанный, килограмм на девяносто, кровь с молоком, иностраный коммсант выменяет на кусок торта у итальянских и французских мальчишек, — сироток, может быть! — их последнюю надежду на счастье. «Неужто, братцы!» — сказали бы с презрением русские мужички про этот адский бизнес! Как говорить, пусть господь в смертный час облегчит вашу грешную душу, неизвестный заокеанский господин!

Многому научился мир за последний десяток лет. Но не тронула самая страшная фраза нашего века, жалоба девочки перед расстрелом у харьковского рва: «Мамоночка, я боюсь» — тех озарил светом социального прозрения трехгодовалый бомбежка. И все же... Мне вспоминается один мимоходный диалог в Юнберге на процессе военных преступников. Бар был переполнен; трое в форме заокеанских армейских юристов прохлосили к моему столу. Я сказал — да. Они меня знали по книгам. Заглушаемый переидями джазового мулайта, произнесла такая разговор:

— Что вы думаете о процессе? — Я ответил: — Тут не Гуго Гроши нужен, а деркий и доказательный крик большого сердца о том, что нельзя, нельзя так долго жить в мире.

— Простите, я не понял, — сказал один, который показався мне умней и пиничнее своих спутников; имя его часто упоминалось в судебных отчетах.

— Я обясню. Вы заметили, что изпассилование, например, вовсе не упоминается в этом процессе, как слитком мелкая купюра людского страдания. Здесь она не принимается в расчет. И вот, вся мивушная аудская боль бесследно растворилась в юридическом параграфх и фолнате. Залата наша вовсе не в том, чтобы прилично повесить два десятка стерецов... это слитком дешевая плата за неслитанные миллионы их жертв.

— Вы хотите полной ценой... ударом за удар? — Это благородно. Как это сделать? — Я решил не пугать его прямым ответом: — Мы думали когда-нибудь о комах? Они разномыются в сточных водах, сосут кураку, мешают спать, разносят периодическую лихорадку, часто — со смертельным исходом... и вообще необходимость их в мидозании крайне сомнительна. Ворья с ними замедляется из-за отсутствия технологически единого приема... Конечно, можно ловить каждого из них и, зажав накрепко в кулаке, отстригать ему голову перочинным ножиком. Способ действительный, потому что комар без головы — это уже совсем другое дело... но мало продуктивный способ. Ускоряющему подтвердилось лишь наименее уверливые, и, кроме того, потребуются громадные истребительный персонал. Можно по-другому?

— А именно... если не секрет? — Раз навсегда профетовать все болота на земле.

Он засмеялся, взглянул мне в самые глаза, покчал пальцем — и вот его бубкальный ответ:

— О, нефетать болота мы не будем. О, мой собеседник отлично понимал, куда ведут корешки фашизма, который он судил, правда, по всей строгости законов, но — как чистое местное германское явление. Потому Юнбергерский процесс и не сделался в историю человечества поворотной вехой, какой, во всем прирчнам, ему надлежало бы стать. Отсюда я должен признать, что ночные речи искусствителя нельзя приписывать демону: Ускоряющему подтвердилось лишь наименее уверливые, и, кроме того, потребуются громадные истребительный персонал. Можно по-другому?

— А именно... если не секрет? — Раз навсегда профетовать все болота на земле.

средним образованием, а профессия чертень всегда состояла в уловении простодушных... Но как на протяжении веков помещала и выродилась нечестная сила! Теперь это уже не тот большой и гордый Сагаза, который две тысячи лет назад предлагал прокурю прыгнуть с горы и невои отгаза от человечества природы приобрести поддержку ангелов. Это не байроновский Лопифер, через змеиное сострадание вливавший в Каина философское сомнение. Это не гетевский Мефистофель, покупавший душу немецкого доктора на звонку, имеющую повсеместное хождение, валюту женских любви. Это не фоблеровский Дьявол, испушавший Антония зрелищем нараспасты времен и пестрых еретических извержений! Это не голговетский, всегда попадающий впрок, уютный чорт, готовый на собственной силе свозить Вакулу за черевичками в пыльный императорский Петербург. Это даже не помянутый Демон с его одографическими обольщениями в статье XIX века, вроде чертовог из ягтаря и брызоз... Заокеанский бес прозаичней и плоше. В воздухе соблазнов у него фут стянкового масла да тобы зубной пасты: восьмиплунтровых пакларов он не обещает, поскольку и сам едит в себе в надежде на автобусе. Это есть скушный бес, приказчик у мальбуших, богатых, но также весьма скромных бесов. Ему и врать-то не нужно, потому что он знает, что именно советскому человеку, хотя бы ценой длительного труда, все равно принадлежат будущее со всеми его чудесами. И как всякое существо, лишнее юмора, само становится мишенью для смека, так и бес этот вызывает проницскую унылку у взаимославного советского слушателя.

В особенности улыбался мы недавно при радиорассказе о трайлер, небольшой, общедоступном особняке на колесах. Прищелкывая к автомашине при передвижении по дорогам страны в поисках заработка, корабля эта, по утверждению доктора, необыкновенно удобна и полезна для здоровья. И ямы такую жизнь в особенности обожает законсанцы... Впрочем, в передаче не было указало, распространено ли такое обожание и в среде крупных браповиков, финансовых воротил, владельцев торгово-промышленных предприятий, любит ли и опи такую «неславянскую, кочевую жизнь» на колесах, или же предпочитают более стабильное существование со всеми удобствами, скажем, на Бродвее... или же они там живут, завладев большие боссы? Их там, оказывается, больше двухсот тысяч, горемычных скитальцев, расселенных федеральным правительством по таким бродячим футорам за недостатком жилищности.

Заводной говорящий манекен, под названием миссис Балкек, приблизительно так описывает прелести жизни в постоянном движении: — Войдите, не ушибите голову. Как видите, это целая квартира из трех комнат. Здесь течет вода, необходимая для мытья посуды и других домашних надобностей. Этот портрет мистера Ванденберга — не простой портрет, он рассказывает, и тогда получается по усмотрению — карамбольный бильярд, кукетка или стиральная доска. Мы так рады иметь этот домик на старости лет...

— Скажите, миссис Балкек, ваш супруг спит на крыше для здоровья или же на этой скляной лестнице? — спрашивает такой же заводной посетитель, опасаясь задать вслух прямой вопрос — как эти честные, бес проработавшие, пожилые люди дошли до жизни такой.

— О, нет. Я помещаю моего Тэдди под кроватку, рядом с газовой плитой. Таким образом не пропадет тепло в зимнее время и постоянно охраняется наше фамильное серебро. Правда, для этой нели мужу приходится всю ночь вертикально держать ноги, но я ставлю на них ночник и читаю ему за его радиопередачи о прелестях жизни в твайлере.

— О, это очень мило. Скажите, мистер Балкек также обожает это перешурум-мобильное существование? — Разумеется! Мы, заокеанцы, славимся своей склонностью к необычным удовольствиям. Это очень освежает. С наступлением холодов мы отправляемся на юг, а летом, как птицы, снова возвращаемся на север. Кроме того, при такой беспрерывной motionи жизни обходится дешевле: не надо платить за квартиру и нет заботы о зимней одежде...

«...Есть еще один вид человеческого существования, житейщины, в котором не приходится заботиться также и о летней одежде и даже — еде. Это состояние покойника. Надо думать, в ближайшее время демон урстит европейских слушателей обстоятельным радиопроверью с таким замысловатым звучанием, — это будет выглядеть так. — Войдите в мой уголок, — приветливый сказал нам покойник, распахывая несколько узкую дверь в свою уютную, такую компактную квартиру. — Здесь у меня очень хорошо, как на курорте. Исключительная тишина и, заметьте, полное отсутствие сквозняков. Вот здесь у меня помещаются ноги, а это мое изюювье. Собственный живот служит мне письменным столом. Подолок, правда, низковат, но я не курю... — Скажите, мистер Балкек, вы не случайно находились здесь в самый разгар послевоенного процветания? — О, нет. Я по опыту знаю, чем обычно кончаются такие процветания. Это и было причиной, почему мы с женой решили покинуть сутококу больших городов. У нас такая же квартира рядом. Постучите в стенку, если хотите поговорить с нею лично. Хелло, Мери, ты не спишь? Тут зашел очко демона, ему нужны кое-какие сведения для европейской передачи... О-кей».

Всякая дружественная беседа предполагает взаимный обмен суждениями. В ответ на ночные выступления демона я вместе с некоторыми радиоприемом высказываю свое. Гуд бай!..

Виссарион САЯНОВ

ПЕСНЯ

Свод небес чистым золотом вышит...
Замечательна эта зима...
Если песню о ней не напишут,
Знаю, песня родится сама.

Где-нибудь на просторе далеком,
На полярной зимовке, она
К синеве неземных окон
Из высокого рвется окна.

Перед ней — берега океана...
Только — что ее крылья быстрее?
И летит она вдаль, чем нежелание
Приняться в тетрадь твою.

С нею здесь несказанно огромен,
Где мелькает она — стает светлом,
Над немеркнущим пламенем домен
В синеве зазелено крыло.

Что же, гостя заетная, здравствуй,
В нашем праздничном доме живи,
Мы зовем тебя попросту счастьем —
И своей не скрываем любви.

...И поет она в лунном сиянье,
И зевает, и торопится жить
В том, еще неизвестном, денье,
Что тебе суждено совершить.

15.500.000

ЭКЗАМПЛЯРОВ КНИГ

В предстоящем году Государственное издательство художественной литературы выпустит значительно больше книг, чем в истекшем. По плану 1947 года должно было выйти 222 названия книг тиражом 13,5 миллиона экземпляров. Как известно, Гослитиздат перевыполнил свой план.

В 1948 году издательство выпустит 269 названий книг тиражом 15,5 миллиона экземпляров, т. е. на 2 миллиона больше, чем по плану прошлого года.

Расширен раздел славянской литературы, содержащий 16 названий книг болгарских, сербских, чешских, словенских, хорватских и польских классиков и современных писателей.

В плане 1948 года — 61 том собраный сочинений русских и иностранных классиков, 12 изданий собраный сочинений в предстоящем году будет закончено, три — вновь начато.

Издательство приступает к массовому выпуску «Библиотек русского романа» тиражом в 200—300 тысяч экземпляров каждая книга.

Встреча грядущий год...

31 декабря кремлевские куранты пробуют полночь, и где-то на пороге времени поворачивается и сейчас же разминутся годы: старый и новорожденный, тысяча девятьсот сорок седьмой и тысяча девятьсот сорок восьмой.

Особая душевная настроенность возникает в человеке в последние дни уходящего года. Будто на две составные части разделяется настоящее: на прошлое и будущее. Оглядываясь на прошлое и глядя в будущее, в душе дружно уживаются итоги и предвзвешивания.

1947 год улетел с дятловым календарем, но он не канает в Лету: год, когда так интенсивно, так остро ставились и обсуждались вопросы мира всего мира, надолго запомнится и живо отразится в будущем. Мы не забудем сорок седьмой год и потому, что в этот год мы всенародно праздновали восьмидесятилетие Москвы и тридцатилетие Октября.

История живая, действительная, касалась нас наяву. Величавость древнего города Москвы и могучая сила Советского Союза дадут уверенность и радостное ощущение огромного значения социалистической Родины.

На 1948 год возложены не только наши надежды. В нас живет уверенность: в этот год трудом и волей советских людей будут приведены в исполнение грандиозные государственные планы.

Творчество — не только вдохновение, не только грезы, но и упорный, преданный и целеустремленный труд. Замечательное чувство собственной доли участия в общей жизни страны озарит наши рабочие дни. За тридцать лет существования первого в истории социалистического государства мы научились ощущать всей мыслью, всем чувством, всей кровью слова: «мы» и «наше».

Огромная задача стоит перед советскими художниками всех видов искусства. Если жизнь страны — творчество, то каким же должно быть искусство — два никакого не различающихся путника по дорогам времени. Их нельзя назвать спутниками, потому что спутники проходят вместе лишь часть пути, и когда-нибудь у развилки дороги каждый из них пойдет в свою сторону, к себе.

Были старинные времена, когда искусство отрывалось от действительной жизни, угорваривая себя, что «тмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Эти времена прошли. Искусству сейчас надо приложиться все силы, чтобы стать в строй социалистической жизни. В особенности искусство театра должно встать вровень с действительностью и звать ее вперед. Проявление литературы, музыки, живописи живут и в будущем. Театральный спектакль живет только сегодня. Актер — живая летопишь дней. Он

нужен людям только тогда, когда он им поистине современен. До Октябрьской революции люди, приходившие в театр, именовали «публикой», после революции — зрителями, и все чаще и чаще мы произносим теперь торжественное слово: народ. В зависимости от того, перед кем играют артисты — перед «публикой», перед зрителями, перед народом, видоизменяется самая сущность театра, и новый, более высокий смысл приобретает профессия драматического актера.

Советская Армия героически отстояла от фашистов родные границы. Советские художники обязаны неукоснительно хранить границы наших идей. Искусству поручен великий фронт. Является необходимостью в современном вооружении советского художника. Оружие его — мировоззрение. Мировоззрение дает артисту силу искреннего, пронзающего и людям голоса актера — человека и гражданина.

Но если актер, хотя бы и вполне искренне заинтересованный судьбой своего народа, плачущий над его бедой и радующийся его удачам, замкнется в узком кругу одной жизни, забудет о зрителе, многоликом своем собеседнике, то зрительный зал выключит внимание к сцене, не захочет слушать чужой мой разговор.

Для того, чтобы о чем-либо свяно и празднично говорить, надо обладать темой, надо всесторонне знать правду о жизни. Правду о том, что есть у нас, чего мы должны добиваться и достигнуть.

В одном из своих писем великая русская артистка Комиссаржевская говорила, что спичечный образ надо увидеть со звездами. Артисту как бы следует взобраться на самую высокую звезду и оттуда глянуть в роль. Со звезды можно увидеть образ в целом, рассмотреть все повороты, все извилины жизненного движения, все дорожки судьбы, от столбовой до самой незаметной, узенькой тропинки.

Комиссаржевская нам близка ее страстным тяготением к людям. И мы, актеры наших дней, стремимся к близости со зрителями, но выше далеких звезд мы ценим нашу землю. И землю Родины хотим знать с землей же, прильнуть к ней всем своим обильным сердцем и творчески обостренным слухом.

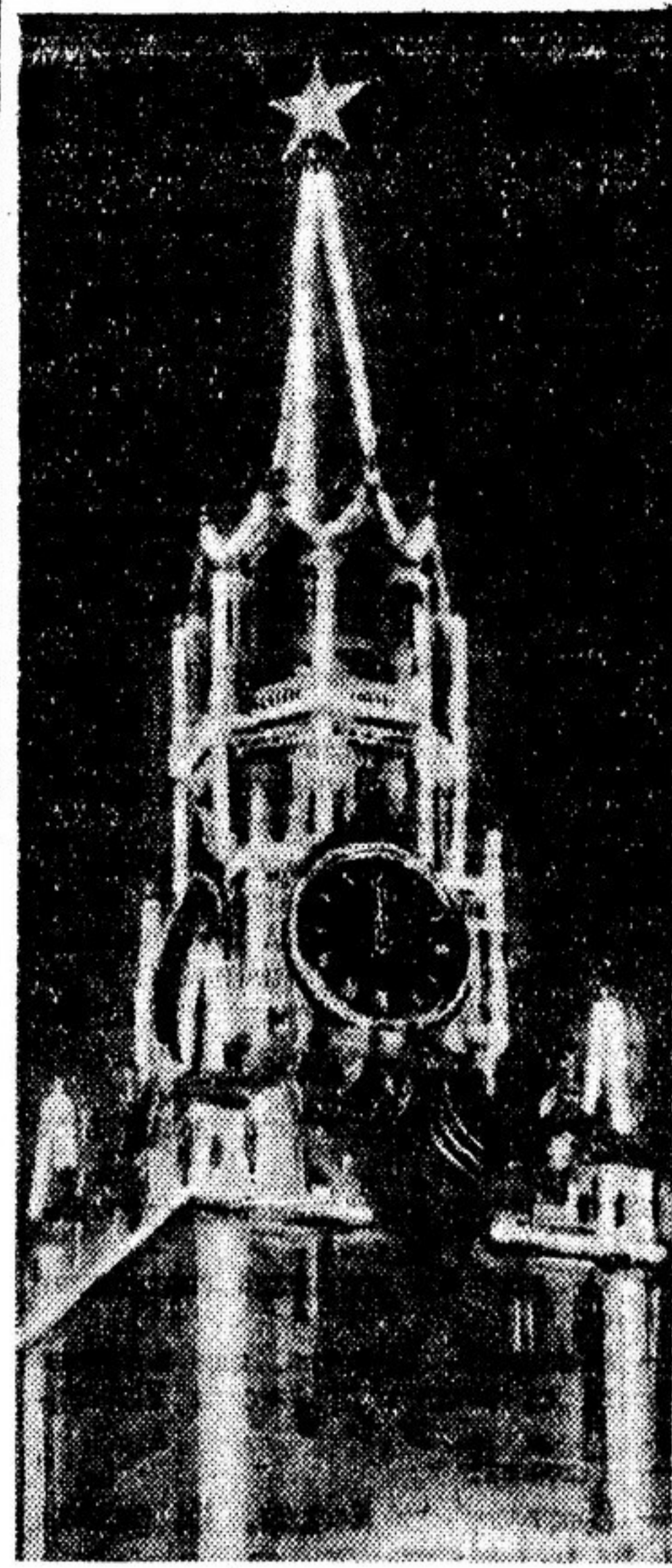
В 12 часов ночи во всей стране, во всех ее республиках, в городах и селах, во всех домах поднимут бокалы разные люди, люди разных национальностей, разных возрастов, разных профессий, но объединенные высоким званием граждан Союза Советских Социалистических Республик. Встреча грядущий год, они прикоснутся горячими губами к холодному стеклу бокалов не только с трепетными надеждами, а с мечтой о счастье, но и с той мужественной отгайкой, с какой советские люди всегда честно и смело идут в будущее.

История одного превращения

Недавно в австрийской печати были опубликованы подробности этого чудесного превращения. Сначала бывший журикурр пениского областного суда Пасторович, получив солидную взятку, прекратил дело Боненбергер и выпустил его на свободу. Затем австрийские реакционеры сняли Боненбергера почет

НОВОГОДНИЙ РАССКАЗ

Говорит Москва

Далеко не тихий океан
В берг бьет.
А берг нам широк.
Солнце, пробиваясь сквозь туман,
К первым к нам приходит на порог.

Это мы сегодня—Новый Свет,
Вперед столетий наш народ,
И на светлый братский пир побед
К первым к нам приходит Новый год.

Скатири узорные белы.
Мы гостей умеем принимать.
Ломается дубовые столы—
Вин и седи нам не занимать.

В клубах и в квартирах до утра
Елкам развешенным гореть.
Скоро полночь.
Близится пора—
Загнет на Спасской башне медь.

Поднимаем к плечу плечо.
«С Новым годом!»— первые слова.
Расстояние ночи кипит—
Всюду слышно:
«Говорит Москва».

«С Новым годом!»—
Это Новый год!
Первые свои слова сказал.
Это время нас зовет вперед,
За победы подняло бокал.

Это песней, полной торжества,
Голос наш за рубежом летит.
«С Новым годом!»—говорит Москва,
Это Новый век!

говорит.

1947 г.

Георгий БЕРЕЗКО

Конец одиночества

Из многих прозаических произведений, появившихся в 1947 году, пожалуй, с наибольшим удовольствием и волнением прочитал роман П. Павленко «Счастье». И не только потому, что он очень хорошо написан, — с первых же страниц романа мы вместе с его героями оказываемся вовлеченными в трудную, но богатую знаменательными событиями интереснейшую жизнь. Мне кажется, писателю удалось правдиво рассказать в книге о самом главном — о большом счастье, равно доступном каждому на советской земле.

В сущности говоря, вся литература прошлого была литературой о тщетных поисках счастья. Одинокие люди искали его каждый для себя, только для себя, и не находили. У Балзакса мир предстает перед нами, как поле сражения всех против всех. Трудно вообразить себе что-либо более печальное, более бесплодное, чем действительность, увиденная глазами Флосера. И ничего, кроме животного эгоизма, животного страха нет в шизофренической литературе современного капитализма. Да и не бы и быть не могло. Ибо капитализм это не только эксплуатация большинства меньшинством, но и бесконечное духовное оскудение.

Среди многих чудес, происходящих на советской земле, едва ли не самым удивительным является чудо преобразования человеческого сознания. Оно обнаруживается во всем — в отношении разных людей к труду, к государству, друг к другу, к своему жизненному долгу. «Мы» вытесняет «я» в сознании советского человека, но индивидуальное «я» раскрывается с особенной полнотой только в форме «мы». На наших глазах происходит действительное высвобождение личности, обретение возможности нового роста и цветения.

Во время войны и в послевоенные годы наши советские люди побывали за рубежом. И произошло примерно то же, что случилось с Гулливером, очутившимся у лилипутов. Пока Гулливер находился среди себе подобных, он не замечал, что он великан, он понял это, едва лишь увидел карликов.

В испытании войны черты духовного облика социалистического человека с особенной ясностью открылись миру. Полное и большое счастье приходит только, как всеобщее, только через социализм. Что это так — ежедневно убеждает наша действительность. Об этом говорит и роман Павленко.

Полковник Воропаев потерял как будто все, что делает людей счастливыми, — здоровье, возможность заниматься любимой профессией, надежду на семью. Воропаев приезжает на юг, к морю, чтобы отдохнуть и лечиться. Он собирается приобрести

«своего дома» — приют вынужденного одиночества. Вскоре, однако, вокруг полковника сосредоточивается жизнь всего района. Это происходит потому, что коммунист Воропаев не смог, не в силах был почувствовать себя одиноким. Утратив на войне многое, он сохранил главное — горячий интерес к жизни, чувство ответственности за все происходящее рядом, любовь к людям и желание видеть их счастливыми. Люди, в свою очередь, окружают Воропаева настоятельными заботами. Один из колхозов района принимает решение «отгородить ему к лету домишко», винодельческий совхоз приглашает полковника к себе, обещает «дачу». В городе Воропаев также получает дом. «Скольким у него теперь намечалось домов, только бы жить. Да, впрочем, он и так уже жил в меру своих сил». То, что случилось с Воропаевым, происходит в большей или меньшей степени и с другими персонажами романа. Вспомните юных Поднебеско, доведенных невзгодами военной судьбы до весьма печальных жизненных обстоятельств. Люди колхоза, люди новых социалистических отношений приходят к ним на помощь. Совершается то, о чем двадцать пять лет назад только мечтал Маяковский:

«...Чтоб вся на первый крик: товарищи! — Обращивалась земля».

Мне также напоминают эти строки, когда я читаю очерк О. Черного «Урское лето», где рассказывается о замечательном походе М. Шаталовой, предводительницы колхоза. В деревне, сожженной немцами, Шаталова решила на свои трудовые отстроит дом семье колхозника, жившей в землянке. Это вовсе не было филантропическим актом. Здесь говорится, если хотите, инстинкт самосохранения, но не уязвлять, а тот, что присущ новому человеку, — то есть распространяющийся на все общество, в котором человек живет. След за Шаталовой уже не один колхозник другому, а колхоз — колхозу, район — району помогать восстанавливать разоренное войной хозяйство. Вот так «на первый крик: товарищи!» и обращается советская земля.

Оказываются, никакие личные неудачи не могут сломить человека, если его личное, — я подчеркиваю это, — личное интересы простираются дальше его собственной личной судьбы, дальше его возможности и устрок. Полковнику Воропаеву так и не удалось одиночество и именно поэтому удалось счастье.

Впервые личность человека стала у нас полностью свободной от одиночества, от изолированного, порождающего многочисленные большие и малые трагедии бытия. И, освободившись, она стала богаче, сильнее, прекраснее. В великой общности нашей жизни и наших целей она и находит настоящее счастье.

Чарли Чаплин С меня хватит Голливуда!

Мы публикуем перевод статьи Чарли Чаплина, напечатанной в английской газете «Рейнольдс Ньюс».

Я решил раз и навсегда объявить войну Голливуду и его обитателям. Я не люблю жаловаться — это кажется мне самонадеянным и беспозлежным, — но так как у меня нет больше ни капли доверия к Голливуду вообще и к американскому кино в частности, я считаю нужным сказать об этом.

Вы знаете, какой прием встретил в некоторых американских кинотеатрах, и в особенности в Нью-Йорке, мой последний фильм «Месье Верду». Вы знаете, что немалое дураков начало называть меня «коммунистом» и «антиамериканцем». Все это лишь потому, что я не могу и не буду мыслить, как все остальные; потому что «большие господа» Голливуда все еще думают, что им все может сойти безнаказанно. Но скоро они утратят свои иллюзии и начнут замечать некоторые факты действительности.

Вот что я хочу сказать. Я, Чарли Чаплин, утверждаю, что Голливуд умирает. Он не занимается больше производством кинофильмов, представляющих собой известное искусство, а лишь вышущим миль и миль делалаудва. Я могу добавить, что человек,

который не хочет приспособиться и идет своими путями, не считается с предрассудками крупных дельцов кинематографии, ни в коем случае не может добиться успеха в Голливуде.

Не думайте, что я пишу в виду самого себя. Возьмем, для примера, Орсона Уэллса. Я разумеется, я не представляю совершенно одинаковых с ним взглядов на искусство кино. Но он осмелел сказать «нет» крупным дельцам. И теперь он — конченный человек в Голливуде.

Голливуд ведет ныне свой последний бой, и он проиграет его, если не решит раз и навсегда отказаться от стандартизации своих картин, если он не осознает, что шедевры искусства нельзя выпускать массовой продукцией, как тракторы.

Я считаю, — совершенно объективно, — что пришло время выступить на новый путь, чтобы деньги не являлись больше всемогущим богом прогнившего общества.

Возможно, что я скоро покину Соединенные Штаты. И в стране, куда я отправляюсь закончить свои дни, я буду стараться помнить, что я такой же человек, как остальные, и, следовательно, имею право на такое же уважение, как и они.

Крупный американский режиссер и киноактер.

ИСПРАВЛЕНИЕ

В статье М. Бажана «За критику и самокритику в украинской литературе» («Литературная газета» № 67 от 27 декабря 1947 года) вкралась опечатка.

В последнем абзаце второй колонки третьей фразы следует читать так: «Украинские фашисты восхваляли растленную, челоковеннавиственную, насильно прогнившую «культуру» империалистического За-

ОПЕЧАТКИ

пада, одновременно стремясь посеять вражду и недоброжелательство между украинским и русскими народами, принижать и оклеветать передовую культуру братского русского народа».

вернул за угол. Они меня не заметили, хотя прошли в двух шагах. Я даже почувствовал запах, очень типичный запах румынской казармы и какого-то мира — вероятно, воранин, — которым они обычно смазывают свои сапоги зимой. Кажется, они считали, что ворвань предохраняет от холода или что-то в этом роде. Я ненавидел этот запах, который меня преследовал всюду. Меня от него тошнило. Было грязно пятнадцать минут при сильном морозе. Но я не чувствовал холода. Меня прошиб горячий пот. Сердце колотилось.

По роду своей службы и по своей человеческой природе я не трус. Но меня ужасала мысль опять попласть к ним в руки — после того как я так здорово от них ушел. Это было бы просто глупо. У меня была надежда на успех. Она находилась в противоборствующем конце города. Там я мог отбиться. Мне нужно было пересечь город. Я решил идти напролом, через центр. Инстинкт и опыт подсказывали мне, что это самое безопасное. Риск, правда, был громадный. Но вы сами понимаете, что в нашем деле без риска не обойдешься. Нужно только иметь крепкие нервы. Нервы у меня были крепкие. Расчет состоял в том, что человек, который совершенно открыто идет ночью по городу, объявленному на осадном положении, меньше всего может возбудить подозрение. Раз человек идет так открыто и так спокойно, значит он «имеет право». Я знал по опыту, что патрули редко останавливают такого человека.

Я шел четким военным шагом. Эхо шагов громко отражалось, как бы отскакивало от черных фасадов, почти сливавшихся со звездным небом, по которому со слепотом пронеслась ледяной морозост. Впервые я очень подошел для роли человека, который «имеет право». На мне был короткий румынский полушубок, крепко подпоясанный широким ремнем, кубанка и почти новые румынские офицерские сапоги. Всего этого, конечно, нельзя было рассмотреть в темноте, но при слабом свете звезды мои сапоги должны были внушать полное доверие любому патрулю. Мне хватало шпор, и я возмещал их отсутствие громкими, четкими звуками строевого шага. Каждый шаг принимал мне адекватную боль, так как чужие сапоги были совсем гладко обшиты и грубыми ногами между голенищами и голубой до такой степени натер под правой ногой, что я готов был кричать. Мне казалось, что мои сапоги на ноги протерли до кости. Иногда мне хотелось плюнуть на все, сесть на тротуар и снять сапог. О, какое бы это было блаженство! Мне приходилось собирать всю свою волю, чтобы заставить себя идти дальше. И я шел, шел. Я даже не мог позволить себе роскошь идти медленно, ступая не на всю стопу больной ноги, а лишь на носок. Тогда бы у меня была малая, хромая, хромота, и я бы уже не был человеком, «имеющим право».

Кроме того, когда я выпрыгнул из грузовика, перескочив через кладбищенскую ограду и памятник, вилка между крестов и памятник, по мне открылся палубу, и одна пуля зацепила левую руку немного ниже плеча. Тогда я не обратил на это внимания и почти не почувствовал боли. Я тогда почувствовал лишь небольшую удар и ожог. Но теперь плечо начало сильно болеть. Оно опухло, горело, сочилось. Весь рукам сорочки был мокрым. И мне уже трудно было размахивать рукой на ходу. Я заложил ее за пояс. Кроме того, я несколько дней не ел, не умывался, не брился, не раздевался. Это все создавало во мне тягостное, ощущение физической нечистоты и подавленности, с которым я боролся, собирая все свои душевные силы.

Вероятно, у меня начинался жар, так как в голове мутно шумело и я чувствовал повисшие ключицы быстрого стрекотания пульса. Наступил момент, когда мне стало так плохо, что я готов был забраться в развалины первого попавшегося дома, лечь среди скрученных железных балок и кусков известняка и уткнуться лицом в битое стекло, так же как и так соблазнительно мерещась при голубом свете звезд. Но в тот же миг я вставил себя еще тверже ударить подошвой в тротуар и в такт шагов громко на всю улицу засветил мотив из оперетты «Граф Люксембург», совершенно не отвешивая своим вкусом, но в высшей степени своеобразный тому человеку, «имеющему право», в которого я превратился в эту минуту, смертельно опасную полночь. Сейчас, когда я вспоминаю об этом, мне кажется совершенно невероятным, каким образом мне удалось пройти почти через весь город и ни разу не быть остановленным ни одним патрулем. А эти патрули на моем пути попадали по крайней мере три, и я один не остановил меня. Я прошел мимо них, ступая сапогами в свистя из «Графа Люксембург», так легко и просто, как будто бы на мне была шапка-невидимка.

Одна мысль, одно чувство владели мною: сознание ответственности перед Родиной, которая доверила мне жизнь нескольких десятков своих лучших, хвосты снов — членом милой подпольной организации, — связь с Москвой, адрес, явля, одним словом, все то, что помогло победе, в особенности сейчас, в дни решающего перелома на всех фронтах. Минутами я даже переставал чувствовать тяжесть своего измененного тела, переставал чувствовать боль, и меня как бы несло на крыльях сказки развалины этого страшного мертвого города, иногда встававшие на моем пути, как беспорядочные скопления черных декораций, ослепленных воспаленными звездами.

Я помню громадный сквер в центре города. Тонкие деревья, согнутые в дугу, дрожали от мороза. Помимо широкую асфальтовую дорожку, проложенную по диагонали через этот сквер, помимо высокой черной пакляки Воронцова, как бы от себя уткнувшись в плече, седом от инеи. Упавшая фигура Воропаева, как бы слабо начертанная мелким на фоне звездного неба, проходила мимо меня в воздухе, как прозрачный призрак. Я прошел по диагонали через весь сквер и снова стал переходить из уличной в уличную. В тех местах, где были развалины дома, становилось немного светлее. Светлее было и на перекрестках. Там было больше звезд.

Я подошел к какому-то перекрестку, когда увидел перед собой на углу две человеческие фигуры. Они как раз в ту минуту закуривали. Маленький огонек зажегали среди крошечной тьмы показавшие мне большим, как костер. При его свете я хорошо рассмотрел этих двух. Один шел по одной улице, другой по другой. Таким образом они обходили квартал и снова встречались на перекрестке. Человек, погнавшийся на их пути, никогда не может уйти от них, если бы даже он и повернул назад. Они обменялись несколькими словами и разошлись. Один свернул за угол, а другой пошел прямо на меня.

Я уже слышал стук его сапог и запах ворвани. Его ступил от сорока закрывал выделенные ступы аканий. Несомненно, он тоже вывел меня. Встреча была неизбежна. Переключит на другую сторону улицы не стоило. Он все равно остановил бы меня. А у меня не было никакого оружия. Ах, если бы у меня был хотя бы простой перочинный нож. Сейчас он подошел ко мне вплотную, осветил фонариком и потребовал ночной пропуск. Тогда я сделал единственное, что мог сделать. Я менялся шага и продолжая светить из «Графа Люксембург», я круто повернул и пошел к первым понашим воротам.

Я попытался открыть их, но они были заперты. Тогда я встал за толстую проволоку звонка и несколько раз дернул за нее. Проволока зашуршала, завиляла, раскачивая где-то в глубине двора колокольчик, и через несколько мгновений колокольчик раскатился и зазвенел. Я никогда не забуду этот, нервный звук этого медного вальдальского колокольчика. В мертвой тишине мертвого города он показавшие мне громким, как набат. Я еще раз нетерпеливо дернул за проволоку, и в эту минуту меня осветили фонариком.

— Что вам здесь надо? Кто вы такой? Я совершенно не представлял себе, куда я попал и что надо теперь делать. Я только знал, что если она не перестанет кричать, то она разбудит весь дом, и тогда, по всей вероятности, я погиб. И я в первый и по всей вероятности, в последний раз в жизни растерялся. В самом деле, что можно было сделать? Я почувствовал, как силы оставляют меня.

Для того, чтобы не потерять сознание, я схватился за стол и сел на первый попавшийся стул. Я снял шапку, положил руки на стол, положил голову на руки и, теряя сознание, успел только пробормотать:

— Простите. Я сейчас уйду. Только ради бога не кричите, я вас очень прошу. И я потерял сознание. Но я потерял сознание всего на несколько секунд. Это был очень короткий обморок. Но когда он прошел, голова моя была так тяжела, что я все никак не мог поднять ее от стола. Женщина уже не кричала. Я слышал недалеко от себя ее тихое дыхание. Наконец, я поднял голову. Она сидела против меня за столом, схватив руками спинку высокого резного стула. Светильник стоял на столе между нами. Она смотрела на меня широко раскрытыми, но уже не испуганными и не удивленными глазами. Эти были прекрасные глаза — большие, светлые, сероватого оттенка, блестящие, молодые и нежные. У молодой девушки были такие же глаза. Но это не были мать и дочь. Женщина казалась слишком молодой, чтобы иметь такую большую дочь. Я не сомневался, что это сестры. Старшая сестра продолжала молча смотреть на меня, двинув сжатыми бровями, так же точно, как двингла младшая. Очевидно, в ней происходила усиленная умственная работа. Тонкие, широко и красиво разветвленные брови придавали ее лицу выражение решительного спокойствия. Она была красивая, если бы не горестно сжатый бесформенный рот и две слишком резкие черты, соединившие крылья носа с углами искривленных губ. Наши глаза встретились. Ее лицо медленно поблело. Я думаю, что в эту минуту она совершенно отчетливо поняла, кто я такой, почему я здесь в квартире. Она видела перед собой смерть.

— Простите. Я сейчас уйду, — сказала я. Она замала руками и отрицательно задрожала головой. В ее глазах мелькнул страх. Я понял, что она напугалась не того, что может случиться с ней, а того, что я могу уйти. Она выбежала из комнаты, и я услышал стук каких-то запоров. Повидному, она заперла дверь на дополнительные замки. Когда она вернулась, она приложила палец к губам и некоторое время стояла перед мной, прислушиваясь к тому, что делается в доме. Но в доме было тихо. Подобие улыбки скользнуло по ее маленьким, бесформенным, искусственным губам.

Я незаметно выткнул под столом ноги, хотелось снять тесный сапог, чтобы хоть немного облегчить жгучую, немилую боль. Мне казалось, что вся моя нога распухла. Она горела, как раскаленная. Женщина подошла ко мне вплотную и озабоченно взглянула мне в лицо. Я совсем перестал вылетать собой. Правда, я еще не стоял, но у меня был блужок к этому.

— Вам больно? — прошептала она. — Я кивнул головой. — Что? — Нога. — Вы равнены? — Натер. Я не могу снять сапог. — Давайте сюда.

Она села передо мной на корточки и взяла за мой сапог. Мне было стыдно, но я уже не имел сил сопротивляться. Я только кричал. У нее были маленькие нежные руки с пальцами, очень тонкими на концах. Я заметил ее ноготки со следами облезлого красного лака. Наверное, она очень давно не делала себе маникюра. Она прикоснулась губами и тынула всю силу тесный сапог, который никак не подавался. Она обливала потом. Все-таки она увидела пот, который она развинула двумя пальцами, — грязную, окровавленную тряпку с черными восковыми отпечатками пятки и пальцев. Она с отращиванием бросила ее в угол. Но я почувствовал, что это отращивание не относилось ко мне, оно относилось к чему-то другому. Рана на ноге была довольно глубокой, но не такая страшная, как я себе представлял. Как только сняли сапог, рана перестала болеть. Я почувствовал блаженство. Но в ту же минуту новая боль заставила меня застонать. Это была раненая рука, о которой я почти забыл. Я не мог ею двинуть. Женщина внимательно осмотрела меня с ног до головы и показала глазами на рукав моего полушубка, который был разорван пулей пониже плеча.

— А это? — сказала она. — Пуля, — сказал я. Она покачала головой. — А еще? — Больше нет. — Хорошо, — шопотом сказала она. — Сидите.

И она снова вышла из комнаты. Она вышла легкими, бесшумными шагами. Меня одолевал сильный жар, меня начало знобить, я едва соображал, что происходит вокруг.

Я потерял власть над временем. Время несло с невероятной быстротой, то вдруг останавливалось, и в эти бесконечно тягостные паузы оставшегося времени я слышал быстро, неразборчиво бормотание молодой девочки. Я почувствовал, что больше не в состоянии сидеть. Я боялся, что потеряю сознание и упаду. С трудом снял с себя полушубок, бросил его на пол к стене и лег. Она несколько раз приходила и выходила. Она что-то делала в комнате. Я несколько раз выпал из забытия.

Один раз я очнулся от резкого каменного удара дма. Она сидела на корточках перед маленькой пещуркой, зажегала в пещуре бумагу и сыпала на нее сверх мелкий каменный уголь. Уголь не зажегала. Тогда она закусила губу, колела на полу кухонным ножом пенал. Это был именно пенал. Я хорошо запомнил его. Он был с перовой картинкой на крышке. Это, наверное, был пенал большой девочки. Я видел, как горели лучины, накалотые из пенала, а потом пачка згудела. Взлетевшей зной распространился по комнате. Искрившие стены потемнели. Колчанная труба стала сумрачно-вишневого цвета, и по ней бегали золотые искорки.

Я помню, как женщина раздевала меня и как она лила вод на пулевую рану. Мне было стыдно своего ужасного белья, но я не

мог сопротивляться. Потом она поставила на пол эмалированную миску с горячей водой и заставила поставить в нее ногу. Стоя на коленях и уронив на лицо казенные волосы, она мыла мою ногу, и я чувствовал блаженство от прикосновения к воспаленной ноге душистой мыльной пены. Она принесла откуда-то пару мужского белья, синий шевотный костюм, от которого пахло нафталином, — старые еще довольно хорошие штилеты. Она заставила меня переодеться. Теперь я сидел на маленькой скамеечке за раскладной пещуркой, и меня одолевал сон. Ах, если бы вы знали, какое это было блаженство! Она поставила передо мной на стул бритвенный прибор и зеркальце. Она заставила меня побриться. Я кое-как побрился, и она вытерла своими маленькими терпкими руками мое лицо олеоном. Она пригудила мое лицо. Это было очень хорошо, так как пудра скрыла царапины на щеках. Плавным движением руки она вела мне оттереться. Я оттернулся. Она стала что-то делать за моей спиной. Я насторожился. Я осторожно посмотрел в мутное зеркало туалетного стола.

Комната отразилась почти целиком. Я увидел ее. Она ходила по комнате, росая в углы и отыскивая какие-то вещи. Она двигалась по комнате плавно, неторопливо, но безостановочно, как бы кружась в непонятном для меня ритме, похожем на медлительное кружение крупного снега. Иногда в ее руках появлялось что-то цветное, пестрое, легкое, воздушное. Она открыла зеркальный шкаф. Вся комната двинулась и поплыла в зеркале. Я видел, как она зашла за то движущееся зеркало, и теперь стояла за зеркалом. Она стала невидимой. Вместо нее была качающаяся комната, оплетенная золотистой паутиной ночника. Она там за зеркалом что-то делала. Я увидел ее голую руку, которая выскочила из-за зеркала пальто, платок и валенки. Иногда ее обе руки подымались над зеркалом, две прекрасные нежные кисти, смугло освещенные ночником. Это продолжалось очень долго, и я, не переставая, наблюдал за ее скрытыми, невидимыми движениями. Стульяны клубуны туфел. Тогда я понял, что она переодевается. Я успокоился и перестал слышать за ней.

Меня разбудил воздушный шорох платья, летавшего по комнате. Она ходила по комнате в легком, пестром праздничном платье, с огленными руками, с волнистыми, разлетавшимися каштановыми волосами. В туфельках на высоких каблучках она казалась более рослой, стройной. Жаркий, душистый ветер веял по комнате от ее развешенного платья. А я опять сидел на скамеечке за зеркалом и следил за тем, как она набрасывала на стол ступу скатерти с украинской вышивкой. Потом в ее руках появились маленькие слюнные свечки — тоненькие, огарочки какой-то давней елки, вероятно, хранившиеся на память в иконе яичке гардероба. Она зажгла их и, накавав цветного парафина, прилепила их к подоконнику, к туалетному столу, к буфету. Скоро золотистые ряды огонюв, учтывережные алмазы зеркалами, мягко зтепелились, наполнив комнату слюнным сиянием.

Она села на корточки перед буфетом и достала с нижней полки блюдо холодной жареной рыбы. Рыбы было совсем мало, два или три кусочка. Но по той важности, сияющей скромности, с которой она пригласила меня к столу, я понял, что это не просто ужин, а ужин, связанный с каким-то далеким-далеким, чудесным праздничным воспоминанием. Мы села друг против друга и стали есть. Мне было совестно, но я ничего не мог поделать со своим аппетитом. Я не ел три дня. Стараясь не торопиться, тоненькие огарочки хранившиеся на память в иконе яичке гардероба. Она зажгла их и, накавав цветного парафина, прилепила их к подоконнику, к туалетному столу, к буфету. Скоро золотистые ряды огонюв, учтывережные алмазы зеркалами, мягко зтепелились, наполнив комнату слюнным сиянием.

Она села на корточки перед буфетом и достала с нижней полки блюдо холодной жареной рыбы. Рыбы было совсем мало, два или три кусочка. Но по той важности, сияющей скромности, с которой она пригласила меня к столу, я понял, что это не просто ужин, а ужин, связанный с каким-то далеким-далеким, чудесным праздничным воспоминанием. Мы села друг против друга и стали есть. Мне было совестно, но я ничего не мог поделать со своим аппетитом. Я не ел три дня. Стараясь не торопиться, тоненькие огарочки хранившиеся на память в иконе яичке гардероба. Она зажгла их и, накавав цветного парафина, прилепила их к подоконнику, к туалетному столу, к буфету. Скоро золотистые ряды огонюв, учтывережные алмазы зеркалами, мягко зтепелились, наполнив комнату слюнным сиянием.

Она подняла бокал и сказала: — С Новым годом.

Я с недоумением посмотрел на нее. Она улыбунулась мне своей открытой, сияющей и вместе с тем бесконечно печальной улыбукой.

— С Новым годом, — повторила она. — Вы разве не знаете, что сегодня Новый год?

И я вдруг понял значение этих маленьких слюнных свечек, наполнявших комнату своим ясным, живым торопением, я понял значение этого воздушного, пестрого, праздничного платья, от которого веяло жарким запахом дугов «Красная Москва», я понял блеск этих прекрасных глаз, в которых как бы отражались какие-то другие — растонные, сияющие огни прошлого и будущего... И мою душу впервые за столько лет охватило такой нежностью, таким теплом.

— С Новым годом! — сказала я. Мы подняли бокалы, глядя друг другу в глаза, выпили холодную воду, которая при блеске свечей показалась мне золотистой, как шампанское.

Девочка вдруг вступенулась, сделала попытку вскрикнуть. Ее глаза расширились, и она очень тоненьким и очень слабым голосом испуганно закричала: — Марус! Елка загорелась! Туши, туши! Горит вата. Пожар!

Женщина побежала к сестре и стала ее успокаивать. Пока она возилась с пещуркой, меня в нем лег, я положил руки на стол, положил на них голову и заснул.

Вероятно, я спал долго. Когда я проснулся, женщина сидела против меня, положила острый подбородок на стиснутые, перелетевшие пальцы рук, и плакала. Она плакала совершенно беззвучно. Слезы бежали по ее лицу, и мне казалось, что в каждой слезе отражается чистый, теплый огонек свечки. Все лицо ее блестело текущими огоньками и сияло, как догорающая елка. Вдруг она подошла к окну, занавешенному одеялом, и прислушалась. Я тоже прислушался. Я услышал звук отираемых ворот и кашель дворника.

— Вам нуно ити, — сказала она, — уж ужо.

Она проводила меня до дверей. — С Новым годом, — сказала я, поцеловав ее нежную руку и вышел.

Ворота уже были открыты. Но было еще темно, как ночью. Акамаринная звезда, это все время стоявшая над фонганом с палей, высоко в небе, тронулась вместе со мной и вывела меня на улицу. Ветра уже не было. Немного таяло, как это часто бывает в новогоднюю ночь на юге. Чуть-чуть светало. И вновь, великая сила, алаящая моей душой все эти голы, подхвативала меня и, как на крыльях, понесла сквозь сумрачный, подурзущий город, ослепленный умирающими звездами. Но теперь этот город уже не казался мне лишенным своего ужасного белья, но я не

Дверь открывается прямо в степь. Дом совсем новый. И когда жарко натопят печи, от смежеструганых стен пахнет, как в лесу, хвоей и смолой.

Здесь клуб комбината. Сквозь широкое окно видно якое нагромождение гор Джунгута. Меж уступов сквозят металлические вышки, медленно вращаются одинокие гиганты-краны. У подножья пыхтит паровозчик, выстреливая белыми аккуратными облачками. Он идет так медленно, что маленькие нарты, выезжающие из-за горы, без труда обгоняют его. В чистом морозном воздухе ясно видна ветвистая корона на голове оленя и дымок, вылетающий из трубки возничья-авенка.

В клубе шумно, здесь готовятся к новогоднему концерту.

Сеня Синеусов, восемнадцатилетний слесарь мехзавода, сидит рядом с Шурой Исаковой. Он одет в свой лучший костюм, коричневый в полоску. Шелковый галстук завязан шикарным узлом. Сеня работает в цехе точных инструментов. Его специальность — опилка скобы штапелен-пилорама. Скоба приходит к нему из штамповки устрашающе грубая, обросшая уродливыми зубьями. Сеня доводит ее до состояния точнейшего измерительного прибора. Он только месяц назад переехал сюда из Москвы, и все ему в этой северной стороне кажется диковинным и интересным.

Сейчас он нарезает из старой папки ножи для гардероба. Он непривычно молчалив. Ему совсем не хочется говорить, а только так вот сидеть рядом с Шуручкой и даже не глядя на нее, краем глаза видеть смутные очертания ее милого лица. Он нарезает картонки намеренно медленно.

Шуручка, радостка комбината, тоненькая девушка, — вся живость и нетерпение. Заглядывая в книжку, она декламирует:

«И он погиб, судьбу приемля, как подобает молодым: лицом вперед, обняв себя землей, которой мы не отдадим!» Это Уткин, знаете?

Из-под ее платья балетной пышности выглядывают большие неуклюжие валенки. С них еще не снята снег. Она с досадой поглядывает на Синеусова: молчит да молчит...

В другом углу Софья Ильинишна Билибина, начальница отдела кадров, релетирует арью Розны из «Севильского цирюльника». Ее почтительно аккомпанирует Вяся Москательников, инженер с теплоэнергосредств, добродушный увалень, четко убаюкивающий. Длинные пальцы его ловко бегают по узорным клавишам аккордеона.

Софья Ильинишна одета в изысканный черный костюм «труа-кар», ее седоватые волосы убраны в адегантную прическу. На крупном носу сидит пенсне. В промежутках между пассажами она переругивается с Игнатом Озерковым. Игнат склонился над столом, орудуя кистями и красками. У них спор о вчерашнем докладе в клубе: «Английский безобразник на службе мирового капитала».

Собственно, они не спорят. Они оба согласны, что доклад плохой и что эту бездарную докладчицу из областного лектория больше приглашать в комбинат не надо. Но о чем бы Софья Ильинишна ни говорила, всегда кажется, что она спорит. Она разговаривает в атакующем стиле, с грубоватой горячностью, огулительно, не пререкаясь, отпуская временами несдержанные остроты.

Игнат Озерков молод и полон солидности. Во время Отечественной войны он был знаменитым подрывником 1-го Белгородского фронта. Манеры у него деликатные и даже тонкие. Выражается он с тягучей медлительностью. Смелые взрывы, разрывающаяся недром Джонгутского хребта, дело его рук. Сейчас он субтильными движениями рисует плакат для новогоднего концерта. Затеяливыми буквами он выводит: «Доклад профессора Шапогирова: «Политические и хозяйственные итоги истекшего года». Танцы. Конфетты». Одновременно он говорит:

— Так я ж понимаю, Софья Ильинишна, что ихнему социализму, а очень извиняюсь, грош цена.

— Что из того, — не слушая, гремит Софья Ильинишна. — что они национализировали шахты и банки? Национализировать национализировали, — а миллиардеры остались? И бедняки остались?

Она округляет губы и выпускает ругательскую чистоту и силы, что даже три атлета, братья Боровские из кренинговзвода, упрямаясь сейчас на астраде, останавливаются и, не выпуская из рук пудовых гантелей, с восхищением смотрят на певичку.

А Шуручка в это время грустно говорит: — Вы совсем не слушаете меня, Сеня. Заметив, что Синеусов смотрит на ее ноги, она поспешно прячет их под шелковый подол и сердито говорит:

— Вы удивляетесь, что я в валенках? А кто ж виноват, если не вы? Ведь вы же председатель жкомиссии. А мы, девушки, все еще живем на лямках по избам. А какая пурга была дочью, сами знаете. Все дороги завалило.

Сеня бурмочет: — Ничего... Через месяц я вас всех вселю в песолак.

Он складывает нарезанные ножики аккуратной кепкой на стол.

— Уходите? — испуганно спрашивает Шуручка.

— Понимаете, Шуручка, мне поручено привести из совхоза профессора Шапогирова.

— А кто он?

— Профессор из Москвы. По философии. Он гостит в совхозе.

Сеня с сожалением оглядывает веселую сутулоку релетищи и нехотя идет к дверям.

В лицо ему дохнула морозная степь. Он пошел по узенькой тропке меж сугробов. Он шел быстро, решительно размахивая рукой и улыбаясь какой-то большой счастливой силе, наполнявшей его. Все ему казалось чудесным: и то, что на свете живет милая, нежная Шуручка, и то, что снег так восхитительно отсвечивает голубиной и слочными бисерками, и то, что в морозном воздухе бодрит крестная, как в добром вине, и то, что, хотя он здесь всего один месяц, все его уже считают молодым талантливым слесарем, и то, что солнце так славно катится по чистому небу, и то, что он сейчас познакомится с известным московским ученым и, несомненно, затеет с ним интересный разговор, и то, что сегодня будет необыкновенный веселый новогодний вечер, и он будет много танцевать с Шуручкой, и в общем все это можно выразить очень коротко: хорошо жить!

Степь была совершенно гладкая до самого горизонта, как праздничная скатерть, накрашенная до блеска. И даже свет нагой солнца не мог обнаружить на ней никаких неровностей.

И никого на этом огромном блестящем пространстве, только Синеусов и его тень. А морозный воздух прямо сияет знаком, как свежее взрезаный арбуз.

Высоко в небе большая птица замерла над Сеней. Потом, увидев своими телескопическими глазами, что это было не более, чем человек, поплыла дальше над степью. «Холодно, верно, ей», — подумал Сеня. Действительно, птица имела какой-то взерошенный и недобольный вид, и было похоже, что она заснула руки в карманы и торопливо семенил по воздуху домой, к пещке.

Где-то далеко под горой прогормыхал дождик. Паровозный гудок выговорил совершенно явственно: «Па-пу-ас».

Сеня рассмеялся. Решительно все ему нравилось.

На краю поселка он остановился. Перед ним был магазин сельцо. У дверей стояла совхозная эмка. Сеня вошел в магазин, чтобы распорщить, в каком доме живет профессор. В магазине продавали два рода товаров: колбасы и швейные машины. Да еще в углу за стойкой отпуская вино стаканами, напекая его из бочки с блестящим медным краном.

У углу стоял низенький толстый эвенок и неспеша потягивал вино. Узкий, скачущий по пестрым кафтан забавно обглаголывал его

плотную фигуру. На правой руке его, которая держала стакан, был вытатуирован олень, а над ним солнце, до того ошенившиеся лучами, что оно походило на эмку. Эвенок задумчиво смотрел перед собой. Казалось, он созерцал швейную машину.

Синеусов не выдержал. Сердце его было наполнено бескорыстной страстью благодетельствовать. Ему хотелось сделать людей такими же счастливыми, сильными и возвышенными, каким он чувствовал себя.

— Слушай, папаша, — сказал он эвенку (тот вздрогнул и удивленно посмотрел на Сеню), — вот ты смотришь на этот аппарат и тебе кажется: какое чудо! А это, между прочим, обыкновенная хозяйственная машинка, и их на Подольском заводе шьют целую тысячу.

Эвенок молчал и с любопытством смотрел на Синеусова.

А тот продолжал, воодушевляясь: — Ты, папаша, не смотри, что ты человек пожилой. И в таком возрасте учиться можно. Человек ты сейчас неграмотный, значит, темный. Всяду тебе мерещатся духи и всякие волшебные силы. Чуть что — колдуну бегашь, или как они у вас тут? — шаманы называются. А начнешь учиться, культурным человеком станешь, можешь даже в тракториста вырасти.

Эвенок молчал и продолжал смотреть на Сеню веселыми, чуть удивленными глазами.

— Хотите, я подсоблю тебе? — говорил Сеня, знаясь в восторге великодушия. — Приходи, пожалуйста, ко мне на комбинат. Я тебя грамоте буду учить. Арифметике. Словом, беру шефство над тобой. Человеком станешь.

— Ваши добрые чувства делают вам честь, — сказал эвенок, улыбувшись. — Но я обнаруживаю один существенный пробел в ваших построениях. Шаманы здесь давно уже нет. Последний шаман, так называемый «Великий Черный Предвещатель» уже двенадцать лет работает светоюдом в колхозе «Брасные Зори». А свой бубен, магическую трепотку и прочие аксессуары камалая он передал в местный музей краеведения. Я бы с удовольствием продолжал нашу интересную беседу. Но, к сожалению (эвенок отогнул рукав кафтана и посмотрел на часы), мне пора ехать в комбинат. Неудобно опаздывать. Я обещал им сделать новогодний доклад. Приходите послушать. Учиться, как вы совершенно справедливо заметили, никогда не поздно.

— Простите, — сказал Синеусов, холодея от ужаса, — вы...

— Профессор Шапогиров к вашим услугам, — сказал эвенок, сделав полупоклон и вышел.

Сеня бросился вслед за ним.

В машине профессор долго утешал Сеню. — В конце концов, в вашей описке нет ничего неестественного. Прелезая погостить на родину, я обычно переодеваюсь в наш национальный костюм. Вас обманул этот маленький маскарар.

Машина быстро катилась по степи, влоча высокую стену снежной пыли. Ветра не было, и снег долго ровной стеной в воздухе и потом медленно укладывался обратно.

Сеня смущенно мотал головой. — Мне невозможно стыдно, конечно, — сказал он, — но в общем все это очень хорошо.

— Что?

— Все. И то, что профессором оказались именно вы, тоже очень хорошо.

Низкое солнце простреливало машину длинными лучами, очень желтыми. Машина была полна солнечной пылью, она ведала, как груз. Они мчались в этом золотом облаке, и Сеня рассказывал Шапогирову о своей жизни, о книгах, которые его поразили, об искусстве слесаря точной механики, о брате генерале, о своих колебаниях — стать ли в будущем авиаконструктором или кинорежиссером, о Шуручке.

Старый профессор философски смотрел на юного своего скопченного ученика, веселый и очень понимающий глазами и улыбаясь наемпливо и восхищенно.

РУЗВЕЛЬТ В ОПАЛЕ

По распоряжению из Вашингтона приказано удалить портрет Франклина Рузвельта, составляющий часть монументальной фрески в новом здании почтамта в Сан-Франциско. На фреске, как сообщает газета «Вуа уарьер», изображено заседание организации Объединенных наций в столице Калифорнии. Автор фрески, художник Антуан Рефреже, отказался подчиниться этому приказу, переданному ему через администрацию Управления общественными зданиями США. Он охарактеризовал приказ, как одно из проявлений реакционной истерии.

ПАТРОНОВ И ДОЛЛАРОВ НЕ ЖАЛЕЕТ...

Глава американской миссии в Греции Грисунду заявил, что весь личный состав греческой армии, флота, воздушных сил, жандармерии и полиции получает американские военные папки, стоимость которых составляет свыше 37 миллионов долларов в год, что значительно превышает годовой бюджет всей организации Объединенных наций.

«ДВУГОЛАЯ ФОРМА С ОДНИМ ГЛАЗСМ»

На открывшейся в ноябре в Чикаго художественной выставке представлены образцы нового течения в изобразительном искусстве — «абстракционизма». Первую премию получил нью-йоркский «абстракционист» Уильям Баунотс, выставивший полностью с изображением «волнообразной яркорозового цвета двуголой формы с одним голубым глазом». Некоторые предположения о творческих принципах «абстракционизма» дает следующее откровенное признание Баунотса: «Когда я начинаю рисовать, я не имею никакого понятия о том, что из этого получится. Это может выясниться либо в середине работы, либо спустя долгое время после ее окончания».

ЗАКОННЫЕ НАСЛЕДНИКИ

В городе Кэмдене, штат Нью-Джерси, два года были официально признаны наследниками ошениного в 36 тысяч долларов поместья их покойной владелицы, некоей миссис С. Фэрбер.

ГОРЕ ОТ ИЗБОЛИИ

В «райских садах» Калифорнии — этой фруктовой житнице США — явственно ощущается мертвящее дыхание неумолимо приближающегося экономического кризиса. «Коварный гниющий злоб покрывает землю», — пишет «Калифорния фарм репортёр». «Каждый прозежающий по холмам Калифорнии видит груды гниющих фруктов», — вторит «Пилл уорлд». Что же, может быть, в массах американского народа или среди изголодавшегося населения стран Западной Европы не ошущается сейчас нужды в овощах и фруктах? Или все потребители внезапно пресатились настолько, что с отвращением отворачиваются от такого рода сельскохозяйственной продукции в США и за их пределами? Ничего похожего. И в США, и в западно-европейских странах потребность велика, но запасы фруктов и овощей, находящихся на американских складах, огромны, а спрос благодаря неуклонному снижению покупательной способности населения, — низок и все время продолжает падать.

В итоге — консервные заводы, например, как сообщает американская печать, предлагают фермерам столь низкие цены за фрукты и овощи, что им вообще нет расчета убирать урожай в садах и огородах. Они и не убирают. В свою очередь, «этоварианство» угрожает полным банкротством большинству консервных заводов Калифорнии.

На этом фоне весьма «обнадеживающе» звучат призывы некоторых американских компрессовен есть возможно меньше, а также и такие широко применяемые мероприятия, как срочное скамливание овощей и фруктов свиньями. Уже даже установлено, что из всего ассортимента сельскохозяйственной продукции, гниющей сейчас в Калифорнии, свиньи больше всего предпочитают батат (сладкий картофель).

Как сообщает «Пилл уорлд», одна из многих рядовых американок, глядя на все происходящее, со скорбным возмущением заявляла: «Просто ужасно говорить «есть меньше», когда люди голодают, а также количество продовольствия выбрасывается».

Таким образом, факты говорят о том, что здесь, на континенте, где так сильно развита индустрия и где техника поднята на столь высокий уровень, — воскрасно, ползут из всех нор мракобесие, средневековая дичь, кликушество. Американцы приучают себя к черным кошке, три-ададатою числа, пятницы. Его приучают верить в приметы, быть фаталистом. Что же это — случайное поветрие? Дань нелепой моде? Нет, достаточно оглянуться на то, что происходило десять лет назад в Германии, чтобы убедиться, в том, каков истинный смысл этих тенелений. Все это было. Было в Берлине перед войной. И там увлекались астрологией. И там проповедывали фатализм и суеверие. Все это — составные элементы фашистской системы воспитания послушного солдата. — чем более он лиз в тул, тем лучше для тех, кто рассчитывает на него, как послушное орудие.

Той же цели подчинена особая отрасль американской литературы, рассчитанная на широкие массы неуксуненных читателей. Я имею в виду так называемый «миллер стор» — историю об убийствах. Мощная американская полиграфия выбрасывает на книжный рынок сотни тонн отпечатанных на прекрасной бумаге баснословно дешевых книг, разлезающих сознание читателей. Рядовой американец три раза подумает, прежде чем купить том Шекспира или Марка Тэна. За такую книгу надо заплатить несколько долларов. А «миллер стор», которая стоит несколько центов, он приобретает, не задумываясь. О том, что представляет собою эта «литература», дает достаточное представление следующая реклама, замаскированная мною из воскресного издания нью-йоркской газеты «Миррор»:

«5 великих пламенных новых книг всего только за один доллар! — «большие выстрелы гангстеров», «величайшие тюремные

Новогодняя фантазия в 5 картинах с прологом и эпилогом

ПРОЛОГ
Город Энкс. Писатель в областном масштабе Матвей Пяткин у письменного стола.

В руках — телеграмма.

Пяткин. Сегодня счастливейший день моей жизни. Меня вызывают для творческого общения в Москву. Я увижу Жарова! Я увижу Долматовского! Сама Каравеева подписала телеграмму. Какой сюрприз под новый год! Мамаш! Где мой чемодан? Где мой роман, моя повесть, мой сценарий, моя поэма? В Москву! В Москву! (В ожидании отъезда засыпает на диване.)

КАРИНА I
Москва. Улица Воровского, 52. Приемная секретариата Союза писателей. В кабинете — товарищ Ведущий и Матвей Пяткин.

Товарищ Ведущий (вдумчиво). Все поэмы и поэмы... Почему бы вам, товарищ Пяткин, не писать сонеты? Сонет — это оригинально. Это интересно... (Вздыхая). Никто не пишет сонетов... Как это грустно.

Пяткин. Невыгодно, товарищ Ведущий. Сонет — 14 строк. Не разойдешься... Другое дело поэма — две тыщи строк... А сонет — всего накладно... Как же насчет творческой командировки?

Ведущий. Ну что ж... Пожалуй... Но почему вы хотите в Гагры? Почему непременно в Гагры?

Пяткин (скромно). Можно и в Сухуми. Ведущий. Почему в Сухуми?

Пяткин. Цитрусы... Мне делается — моя тема.

Ведущий. А морозостойчивые культуры? А проблемы снегозадержания? Подумайте, как это интересно! Северные олени... Еловые собаки... Что-нибудь вроде Мурманска или Кандалакши... Подумайте. (Смотрит на часы). Однако сегодня я уезжаю с экспрессом... Желаю успеха. Пока... (Уезжает на пленум по случаю тысячелетия со дня рождения летописца Нестора.)

КАРИНА II
Конференц-зал. Заседание секции поэтов. Председатель — Павел Полыхав.

Пяткин (читает).
...В ту пору активистка Оля
Еще не знала си-беомля.
Жила у тетки на заводской
И не была консерваторкой.
За что же изъаб Кирилл
Вплоне заслужено корил.
Она — любима... В летний вечер
Ей снится молодой диспетчер.
Она мечтала в гараже,
А он ее забыл уже...

Полыхав. Товарищи! Мы обсуждаем поэму Матвея Пяткина Товарищи! Я замалчиваю... Мне больно... Мне тяжело говорить о поэме Пяткина (Пьет воду). Мне грустно... Мне страшно... Здесь читала рецензию критика Дудкина о поэме Пяткина Рецензия называется «Ни бз, ни мз, ни кукурек»... Товарищи, это смею... Это гениально! Это страшно! Вот все, что я могу сказать, товарищи! (Пьет воду).

КАРИНА III
Неглинная улица. Комитет по делам искусства.

Пяткин. Можно товарища Ситникова? Секретарь. У него совещание.

Пяткин (робко). Совещание кончилось. Секретарь. Тогда он на просмотре.

Пяткин. А просмотр не было. Я все знаю. Я второй месяц хожу.

Секретарь. В таком случае он на докладе у председателя.

КАРИНА IV
Сценарная студия Министерства кинематографии.

Председатель. Обсуждаем сценарий товарища Пяткина «Дубовая роща». Кто желает взять слово? Товарищ Мрачный? Прощу.

Мрачный. Постараюсь быть кратким. Общее впечатление такое: Дуля — бледна. Павел — не ярко. Дед Евстагий — мало активен. Проблема овоощехранлища — не решена. В общем — сценарий не вышел.

Председатель. Кто еще желает?

Голоса. Присоединюсь... Присоединюсь... Присоединюсь.

Председатель. Я думаю так, товарищи... Далим поправки.

Все (с облегчением). Правильно. Далим поправки.

Председатель. Бухгалтерия продлить договор до 1978 года.

КАРИНА V
Редакция толстого журнала.

Некто в очках (Пяткину). Вы к кому? Пяткин. К главному редактору. А вы кто? Некто в очках. Я не главный редактор и не редактор, но я здесь главный... Я — заведующий редакцией. Что у вас там?

Пяткин. Роман.

Некто в очках. Производственный? Колхозный? Военный? Восстановительный?

Пяткин. Просто роман. О людях. Военно-восстановительный, производственно-колхозный.

Некто в очках. Интересно. (В сторону кабинета) Зоведла Павлова, кто у нас работает с помоями авторами?

Пяткин. Я не помню, я — молодой автор. Всего десятый год печатаюсь.

Некто в очках. Тогда это ко мне. Но не сегодня. Как-нибудь в конце 49-го года. Или в начале пятидесятого...

Пяткин. Но позвольте...

Некто в очках. Простите, я занят. Пишу редакционную статью об ошибках главного редактора.

ЭПИЛОГ
Площадь Пушкина. Воег новогодняя метель.

Пяткин (простирая руки к памятнику). Миллион терзаний! (Прсыпается в областном городе и становится известным в областном масштабе.)

Занавес

А. РАСКИН

«ОГОНЬКУ»
Работай ты в фоте лица своего,
Но ждешь твой читатель еще кой-чего.

МАРШАКУ-ПЕРЕВОДЧИКУ
Его дела идут на лад,
баллад.
Пропустит ли хотя б сонет?
О, нет!

Блажен, кто вересковский мед
плет.

НОВОГОДНИЕ ПОДАРКИ

КЫРСАНОВУ
Горюла облава,
Расружидан тучи
И шепнула влуду строк:
— Я хочу быть лучше...

ДВУМ КЛАССИКАМ
«Мера за меру» Шекспир пьесу свою
озаглавил,
Суров сие повторил, сходство исчерпано
тем.

НОВЫЕ КНИГИ

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

И. Крылов «Басни и стихотворения». Малая серия «Библиотеки поэта». Второе издание. 438 стр. Тираж 20.000. Цена 10 руб. 50 коп.

Л. Дубожаков «Волну». Избранные стихи. Петербург и Кисловодск. Вступительная статья Л. Пастернака. 94 стр. Тираж 7.000. Цена 3 руб. 75 коп.

В. Каверин «Два вепитана». Роман. «Библиотека избранных произведений советской литературы (1917—1947)». 687 стр. Тираж 75.000. Цена 16 руб.

И. Кратт «Дом среди туманов». Рассказы. 287 стр. Тираж 15.000. Цена 7 руб. 75 коп.

ОДИЧАНИЕ

Минувшей осенью на Бродвее я видел фильм об убийствах в новогоднюю ночь. Убийства — злодейская тема. Голливуд, и редкий фильм обидается без плавающих групп — в каждой студии штабелями лежат искусно сделанные макеты поточных бизнесменов, бродяг, леда, пригодные для шварпания в пропасть, для рассечения на части топором или для подбрасывания под колеса бешено мчащегося поезда. Неудивительно, что и новогодние сюжеты здесь плетут под аккомпанемент выстрелов. Но авторы данного фильма не ограничились зарулыми убийствами, — они решили в новогоднюю ночь пофлосфосифовать над трупами. Эта «философия» представляет определенный интерес для того, кто хочет составить себе представление о заместителях культуры, распротраченных по ту сторону океана.

Героиня фильма — миллионная дама из общества — в ночь под новый 1945 год, когда на Бродвее шумит веселая толпа, убивает своего мужа, пьяницу и развратника. Но тут же она — добрая душа! — начинает раскаиваться в своем поступке. И тогда миллионное провидение алет ей на встречу — оно воскраснет ее распутого супруга сроком ровно на один год. Дама счастлива. Однако проходит месяц, другой, и она убеждается, что раскаивание ее было не к чему — муж снова пьянствует и распутничает. Тем временем один из друзей дамы лишается расулка и попадает в сумасшедший дом. Проходит 365 мучительных, удушливых, невыносимых для героини дней, и вот на Бродвее снова собираются тысячи толпы, чтобы, как обычно, 1946 года дань Бахусу и Венере, встрече 1946 года Героиня фильма, забывшись в спялню, трется от ужаса в предчувствии чего-то рокового. Без пяти двенадцати. Расползаясь праздничную толпу, заполнившую Бродвей, в дом врывается мрачный, опустившийся, потерявший человеческий облик муж, отвернувший своей любовнице. Без минуты двенадцати. Он начинает душить жену. В этот момент расцеловавшись — это бежавший из психиатрической больницы друг героини убивает мужа. Круг замы-

кается. «Предначертание провидения» свершилось. Труп мужа уносит прочь, сумасшедшего увозят обратно в дом умишленных. Героиня вступает в новый год очистишшейся от своих сомнений — незачем было жалеть убитого ею в прошлую новогоднюю ночь мужа...

«Философия» этой одобренной мистикой киноформы типична для духовной жизни послевоейной Америки. Кино, радио, эмигрантура, церковь — все средства миллионного воздействия на душу и сердце человека мобилизованы здесь для того, чтобы доказать среднему американцу, что лучше и проще всего разрешать споры и сомнения при помощи револьвера, кулака или же пистолета-пулемета. Именно этот способ благословляет небеса.

Там же, на Бродвее, в течение каких-нибудь двух месяцев мне довелось посмотреть по меньшей мере пять-шесть фильмов с участием ангелов и бандитов, действующих в строгом содружестве. В фильме «Это знает небеса», например, ангел Майк спускается на землю спасти душу бандита Дюка Баброна. Бандит учит его драться и стрелять. Ангел, открывая конопью ствол бандитского револьвера над свечкой, чтобы он не блеснул, докладывает госуду богу: «Рядные из такой штуки можно было убить одного человека, а теперь убивают сразу шестерых. Я еще не совсем разобрался, в чем тут дело. Но, по-моему, сердце у Дюка хорошее, хотя в голове у него не все в порядке». Ангел приводит бандита в церковь и заставляет его бросать деньги в кружку. Когда тот упирается, ангел дважды дает ему зуботычины и наставительно говорит: «Серьхов — это почтовая контора, через которую мы получаем письма из дому». Мордобой — убедительный довод для бандита, и он становится верующим. После этого он дерется на дуэли с другим бандитом, и ангел спасает его от пули противника. В конце концов бандит превращается в примерного христианина, а ангел возвращается на небо.

Богу, иранне с пушками и атомной бомбой, отведено совершенно определенное ме-

сто в планах тех, кто планирует третью мировую войну. Именно поэтому мастера американской рекламы пускают в ход все средства для того, чтобы поднять акция американского бога в глазах рядового американца. В Вашингтоне, например, в воскресенье вы можете увидеть вышки только в церкви. Если американцу захочется выпить, он воле-неволея полетит к попам, а они вместе с бутылкой виски сунут ему в руку какую-нибудь веселую молитву или ружку распутно-священский фильм с привлекательными ангелочками. Тех же, кого в церковь все-таки не затаскишь, атакуют многотысячная армия прорицателей, волхов, хиромантов, знахарей, необычайно расползавшихся в Америке, особенно в послевоейные годы.

Даже в газетах рядом с биржевыми курсами, отчетами о скачках и пространными репортажами об убийствах вы ежедневно можете читать наставления астрологов. В одной из самых распространенных американских газет постоянный отдел «Взрши звезды сегодня» ведет прорицатель Мэрион Дрю, जो дни в день поучающий читателей на языке средневековых шарлатанов:

— Сегодня Луна входит в созвездие Льва. Она приносит поворот интересов вскоре после полудня, создает непонимание в некоторых инстанциях, воспаменяет споры и вызывает в ряде случаев инциденты. Остерегайтесь насчет того, что вы говорите и делаете. Не совершайте сегодня серьезных поступков. В том случае, если ваше чувство подальности, мрачное настроение продлится до вечера, — откажитесь себе в удовольствии писать свариные письма. Иначе вы зайдете слишком далеко...

По данным, которые были опубликованы 19 октября в «Нью-Йорк геральд трибун», в США насчитывается сейчас около 25 тысяч знахарей только в области психологии — это бесчисленные «психологические консультации», «эмоциональные советники», «персональные помощники» и т. д. Не утратившие способности критически мыслить американцы зовут их в просторечии «психиками», «психологами», «визионеры с продвинутой посетителям за каждый сеанс кругленькую сумму в 10 долларов, записались дипломами докторов психологии, хиропрактики, натурпаники, метафизической философии и т. п. Эти дипломы выдаются

сомнительными учебными заведениями вроде «Колледжа универсальной правды» в Чикаго, где преподаются такие «науки», как «краткая метатаня», «персональный мистический» или «эзотерическое масонство» (заметьте мимоходом, что масонство весьма модно в современной Америке; к числу «вольных каменишков» принадлежит, в частности, Бирнс, пожертвовавший гонимыми от своей клеветнической антисоветской книжки «Откровения говоря» в пользу масонской ложы Северной Каролины).

Таким образом, факты говорят о том, что здесь, на континенте, где так сильно развита индустрия и где техника поднята на столь высокий уровень, — воскрасно, ползут из всех нор мракобесие, средневековая дичь, кликушество. Американцы приучают себя к черным кошке, три-ададатою числа, пятницы. Его приучают верить в приметы, быть фаталистом. Что же это — случайное поветрие? Дань нелепой моде? Нет, достаточно оглянуться на то, что происходило десять лет назад в Германии, чтобы убедиться, в том, каков истинный смысл этих тенелений. Все это было. Было в Берлине перед войной. И там увлекались астрологией. И там проповедывали фатализм и суеверие. Все это — составные элементы фашистской системы воспитания послушного солдата. — чем более он лиз в тул, тем лучше для тех, кто рассчитывает на него, как послушное орудие.

Той же цели подчинена особая отрасль американской литературы, рассчитанная на широкие массы неуксуненных читателей. Я имею в виду так называемый «миллер стор» — историю об убийствах. Мощная американская полиграфия выбрасывает на книжный рынок сотни тонн отпечатанных на прекрасной бумаге баснословно дешевых книг, разлезающих сознание читателей. Рядовой американец три раза подумает, прежде чем купить том Шекспира или Марка Тэна. За такую книгу надо заплатить несколько долларов. А «миллер стор», которая стоит несколько центов, он приобретает, не задумываясь. О том, что представляет собою эта «литература», дает достаточное представление следующая реклама, замаскированная мною из воскресного издания нью-йоркской газеты «Миррор»:

«5 великих пламенных новых книг всего только за один доллар! — «большие выстрелы гангстеров», «величайшие тюремные

повети всех времен», «десять самых ужасных преступлений всех времен», «как детективы ловят на крючок», «тайны магии». Если у вас деликатный желудок или хилые нервы, — эти книги не для вас! От этих книг ваши волосы встают дыбом, ваши колени дрожат, ваши глаза лезут на лоб, ваша кровь кипит. В этих книгах, наконец, имеются кровавые подробности порожжающих, смелых, возбуждающих подвигов «американских гангстеров, показанные во всех жестокостях»...

И многие американцы плют свой доллар разбитым издателям, публикующим подобные бесстыдные объявления в газетах, и получают взамен пять пропахших кровью книжочек, отравляющих их мозг воскалывающей убиств и грабежей. Но дело не ограничивается пропагандой преступности как таковой. Оно имеет свою политическую направленность. Не случайно на конкурсе на лучшую книгу этого жанра, организованном журналом «Американ меркюр», первую премию в 25